Я

3.2010

семья и школа

Что за зеркалом?
страница **19**

Трудные взрослые
страница **9**

Детская агрессия
страница **16**

Первая косметика
страница **35**

журнал для родителей

Фото Елены Боковой

7я
семья и школа

Журнал
для родителей
Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

На обложке:
Л. Л. Кремнева. Зеркало
(Читайте страницы 19–21)

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:
Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),
Л. А. Комарова
(художественный
редактор),
Н. С. Мавлевич
(школа и общество),
Л. Ф. Осипова
(культура),
В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Н. П. Солошек

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»
Свидетельство
о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7,
строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
142300 город Чехов Московской области
Сайт: www.chpk.ru
e-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8 (49672) 625-36; 8 (499) 270-7300

№ 3 (март) 2010
Подписано в печать 3 марта 2010 года.
Формат 60×90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 6200 экз. Заказ 3106

В розничной продаже
цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

Подписные индексы:
по Объединенному
каталогу «Пресса
России» — 70909;
по каталогу
«Роспечати» — 70906;
по каталогу
«Почта России» —
99351.
Подписка
через Интернет:
presscafe.ru

С анонсами
свежих номеров
нашего журнала
вы можете
познакомиться
на страницах сайта
mag7a.narod.ru

В номере:

Советы и рекомендации

Юлия Корчагина
Трудные взрослые
9

В статьях этого цикла — то, что обычно принято скрывать до тех пор, пока не выплескивается на поверхность вся неприглядность, сложность и трагичность жизненных ситуаций

Владимир Леви
Детская агрессия: как вникать и что делать
16

Если вы не реагируете как автомат, не ведётесь агрессивными текстами, а слышите их контексты, вы уже не управляетесь стихией конфликта, бессознательной темной силой. Вы внутренне свободны

Екатерина Мурашова
Гриша — ребёнок-катастрофа
22

Сказать о Грише, что он подвижный ребенок, — значит не сказать ничего. Как-то в шутку его назвали «ребенок-катастрофа», и прозвище настолько укрепилось за мальчиком, что он сам, когда его спрашивали: «Как тебя зовут?», отвечал: «Гришка-катастрофа»

Повод к размышлению

Евгений Бунимович: сегодня у учителя другая задача
2

Главный мотор изменений в школе — это не объявление года учителя и не декларации президента, а ученик. Это он заставляет меняться! Трагедия многих учителей в том, что они не способны играть на этой площадке

Вокруг развития и воспитания
6

Игорь Реморенко: чего ждать выпускникам
12

С какими новациями могут столкнуться выпускники российских школ, сдавая ЕГЭ?

Борис Бим-Бад
«Тайны» образовательной политики
14

Образование призвано удовлетворить потребности личности, прояснить и украсить жизнь человека. Оно поощряет самостоятельность и свободу самовыражения

Чтение

Лия Осипова
Что отражают зеркала?
19

Выставка в Третьяковской галерее предложила неожиданный угол зрения на знакомые и незнакомые произведения русской живописи. Дав каждому право на свое понимание

Мариэтта Чудакова
Злоключения русского языка в XX веке
26

После Октября публичный литературный, но общепонятный язык стремительно исчезал, заменяясь полупонятным и вовсе непонятным самым разным слоям общества

Андрей Хржановский
«Там, где слышен кашель Бога»
28

Тонино Гуэрру часто называют Человеком Возрождения. И это справедливо: ведь он является также писателем, поэтом, художником, скульптором, дизайнером...

Роза Хуснутдинова
Когда *они* уходят из дома
Три истории
32

Домашние занятия

Кухня: из весенних и летних растений
36

Развлечения: Весна. Во двор! Побегаем, попрыгаем
37

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах России получают журнал благодаря финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Евгений Бунимович: Сегодня у учителя другая задача

Нет более подходящего человека для разговора о современном учителе, чем **Евгений Абрамович Бунимович**, математик, педагог (он преподает в школе с 1976 года), поэт, общественный деятель, автор немалого числа школьных учебников и учебных пособий. В течение десятка лет он возглавлял комиссию Московской городской думы по науке и образованию и участвовал в разработке многих московских законов в этой области, а в конце 2009 года назначен Уполномоченным по правам ребенка в городе Москве. Наш корреспондент Наталья Мавлевич застала его на новом рабочем месте.

— Евгений Абрамович, я рада пожелать вам успехов на новом поприще и надеюсь еще не раз встретиться с вами в этом кабинете, но сегодня пришла к вам как к человеку, который на протяжении многих лет входит в школьный класс, как к учителю. Каждый из нас проживает школу сначала сам, а потом столько раз, сколько у него детей и внуков. Но учитель ходит туда каждый день год за годом. Оставаясь одним и тем же человеком, он видит постоянно обновляющийся класс, постоянную смену поколений. Мне кажется, это вырабатывает у него какой-то особый взгляд, и что-то особое от него требуется, чтобы соответствовать этому вечному обновлению.

— Вы сказали: «оставаясь тем же», — это, конечно, не так. Человек, оставаясь той же личностью, во многом меняется в этой жизни, учитель тоже. Меняются его взгляды, представления, в том числе на детей. Но основа учительской профессии в том, чтобы никогда не повторяться. Когда после окончания мехмата я стал добиваться, чтобы меня отпустили в школу, — а это считалось слишком низким полетом, — мне говорили: «Что ты там будешь делать? Ты только представь себе: ну раз интересно, ну два, а потом ведь все время надо говорить одно и то же! Десятый, тридцатый год!» Человека, для которого педагогический труд не является призванием, именно это и отвращает. Но я понимал, что мое место в школе. Не только потому, что я из учительской семьи, учитель в третьем поколении и математик — в четвертом. Как раз у родителей мое решение особого восторга не вызывало. Учителями у нас были женщины: мама, бабушка, а мужская часть семьи: отец, брат, потом мой сын — всегда занималась серьезной наукой. Но никто мне не мешал делать то, что я считал нужным. Так вот, ни разу в жизни я не дал один и тот же урок. Хотя, напомню, преподаю-то я все-таки не историю, где у нас все меняется, а математику. Синус квадрат плюс косинус квадрат равен единице при любых режимах — так почему бы меняться урокам? Но они не могут не меняться. Все зависит от ребят, от их уровня восприятия, от интеллекта, от времени, как это ни странно, от атмосферы в классе, которая всегда разная, а задача учителя — чтобы она была благожелательной, нормальной, и каждый раз это надо делать новыми средствами.

Сейчас, возможно из-за того, что я уже в возрасте, а возраст, как считается, приносит опыт, или из-за некоторого общественного, государственного статуса, у меня все время просят ответов, а я их не знаю! Меня спрашивают: что делать учителю, если... А такого ответа нет, и в этом самый большой парадокс профессии: с одной стороны, она массовая, и никуда от этого не деться, это не Художественный театр; а с другой стороны, она требует артистизма каждый день. Существуют, разумеется, определенные технологии, но каждая отдельная ситуация решается по наитию. И пока в этой отдельной ситуации я не побываю сам, я не знаю решения. В одном случае надо ответить, в другом промолчать, в третьем, может быть, родителей вызвать — общих рецептов нет и никогда не будет. Именно поэтому этим можно заниматься и десять лет, и двадцать, и тридцать. Конечно, инерция и усталость накапливаются, в мае каждый год думаешь: всё, больше невозможно войти в это заведение, но уже к сентябрю снова туда тянет, и это нормально.

Имеет значение и возраст. Когда я пришел в школу, мне сразу дали десятый класс. А поскольку поступил я на мехмат в пятнадцать лет, то разница с учениками у меня была года три-четыре. И хоть я отпустил бороду, чтобы подчеркнуть необходимую дистанцию, но прекрасно понимал их, был одного с ними поколения. Это были одни отношения, через пятнадцать лет они стали другими, а сейчас — это третьи. Я не все понимаю из того, чем увлекаются мои теперешние ученики, и не пытаюсь делать вид, что понимаю и что, главное, мне все нравится.

— Это не мешает вам сохранять с ними доверительные отношения, находить общий язык?

— Скорее наоборот. Дети остро чувствуют фальшь. И если бы я, как делает кое-кто из моих коллег, старался молодиться — я не имею в виду внешний вид, — притворяться, например, что мне нравится музыка, которая на самом деле не особенно нравится, казаться своим парнем, это могло бы сработать раз-другой, но меня быстро бы раскуси-

ли. Оставаясь собой, я вернее заслужу их доверие. Для общения достаточно уважительного отношения к интересам ребят. Достаточно не отметать с самого начала их лексикон — мой в свое время был не лучше! — их вкусы в музыке, кино. И, может быть, пытаться что-то понять, это тоже полезно.

— Молодому учителю легче понять учеников, но ему, наверное, не хватает опыта, чтобы стать настоящим педагогом?

— Это как раз то, что внушают студентам в педвузах: они-де еще какие-то недоделанные учителя, а вот со временем, с опытом станут настоящими. Это неправда. Во-первых, это плохо. Когда я пришел в школу, то, может быть, как раз потому, что не прошел через педвуз, у меня не было этих комплексов, и я не стал ждать, пока дотяну до нужного уровня. Ученикам было не важно, сколько мне лет. Ну, конечно, забавно, что я такой молодой, но это на один урок. Я понимал: либо я сразу должен начать работать, либо они меня сожрут. И сейчас то же самое. Когда я вхожу в класс со всем своим опытом, титулами, званиями, физиономией, которая время от времени появляется в телевизоре, это может сыграть свою роль на час, а дальше я должен держать внимание учеников и мне должно быть интересно то, что я делаю.

Я всегда говорю молодым учителям: «Вас обманули, если сказали, что я всё знаю, сейчас расскажу вам методику, а вы потом всё будете замечательно делать». Да, я могу показать какие-то приемы, от чего-то предостеречь. Вот, например, распространенная среди молодых учителей ошибка: они думают, что раз они что-то рассказали у доски, то дети все это и поняли, у них все в головах отпечаталось. А я им говорю: «Вы даже не представляете себе, что именно у них там отпечаталось. Давайте доживем до первой контрольной работы». Таких ошибок делается много, но! Я им всегда говорил: «Есть масса преимуществ молодости. Ваша задача, чтобы полкласса были в вас влюблены, тогда они и предмет будут постигать. Влюблены — это, конечно, в шутку... Но пока ты молодая, симпатичная и тебе самой нравится рассказывать про синусы, значит, и народ потянется».

У каждого возраста свое мастерство. Не надо ни напускать на себя важность в молодости, ни молодиться в старости. Входя в класс, всегда испытываешь прилив энергии, а с годами ощущаешь, что уже не ты детям, а они тебе больше дают.

— Вы говорили о том, что мастерство учителя сродни актерскому. Но артистов на страну может быть несколько сотен, а учителя нужны в каждом квартале, в каждом селе. Как бы образован ни был педагог, каким бы багажом знаний ни обладал, но если он не представляет собой яркой личности, хорошим учителем он не будет. А что же можно сделать, чтобы в этой массовой профессии были сплошь личности?

— Причем особые личности, особого качества. Есть хорошие люди и яркие личности, которых, тем не менее, в школе ждет поражение. Сейчас в связи с годом учителя очень много обсуждают особенности педагогического образования. Так вот, я убежден, что оно должно строиться в какой-то степени по образцу медицинского. Чтобы студенты проводили в школе не пару недель или месяц практики, а работали там (конечно, не сразу), как начинающие медики работают в клинике.

Состоится человек как учитель или нет, трудно предугадать. Я не раз, работая с практикантами, видел: вот начинает урок хорошая девочка, отличница, но она не будет учительницей, ей не дано держать эту аудиторию, и никакие приемы не помогут. А вот этот шалопай чуть ли не ошибку сделал, но он умеет держать контакт с детьми, с ним имеет смысл работать дальше. В каждой профессии есть свои критерии пригодности. Нельзя же брать в баскетбол людей в метр пятьдесят ростом. Так и здесь. Только рост виден сразу, а с учительством сложнее: все проявляется только в классе, никакой экзамен не выявит. А вот уж если такой учительский дар, кстати достаточно массовый, имеется, дальше требуется самостоятельная личность. Это очень важно.

Ты не должен копировать кого-то другого. У нас в школе был очень сильный, известный в Москве учитель истории. Преподавал советскую историю, и достаточно доктринёрски, но учить умел, его выпускники без труда поступали в университет. Был в этом элемент дрессуры, одни ученики побаивались его, но другие были ему благодарны. И вот, когда он уже скончался, одна очень не глупая девочка, моя и его ученица, закончив истфак, пришла к нам в школу и стала делать в общем то же самое, что и он. Она точно воспроизводила его приемы, но ничего не получалось. Перестройки еще не было, но прошло время, и то, что дети готовы были воспринимать от человека другого поколения, другой, авторитарной культуры, они не захотели принять от молодой учительницы. Они ждали от нее другого стиля общения.

Методика должна исходить из человека. Я сам автор нескольких учебников по математике, которые прошли все экспертные советы, получили статус федеральных, но в них есть свои особенности, форма подачи материала, как мне кажется, более живая, чем та сухая манера, в какой выдержаны традиционные учебники. Но среди учителей-математиков немало сторонников жесткой системы жесткого преподавания: определения — теоремы — следствия — задачи. Я пытаюсь объяснить, что история, мышление развиваются по-другому и нельзя ребенку говорить слово «теорема», пока он не понимает, что это такое, откуда взялось, — он может только выучить, а не понять. Но они учат, как привыкли, и говорят: «Этот учебник какой-то не такой». А я говорю: «Нет, не учебник не такой, просто вам не надо по нему работать».

Даже самые хорошие вещи нельзя вводить тупым принудительным методом. Умеет этот преподаватель учить решать квадратные уравнения, хоть не лучшим способом, — пусть так и учит, это хотя бы вариант, дети их решают. Если же он начнет работать методами, к которым у него никак душа не лежит, будет еще хуже.

— Ну, может быть, авторитарный стиль преподавания в какой-то мере терпим в математике, но никак не в гуманитарных предметах. А стиль общения в школе между тремя сторонами педагогического треугольника — учителями, учениками и родителями — уж точно не должен быть авторитарным. Между тем в абсолютном большинстве школ он таким остается, хотя есть, конечно, счастливые исключения. Изменился мир, очень изменились дети, которые в нем выросли, но большую часть учителей, даже хороших учителей, составляет поколение, которое уже не изменится. Научить своей дисциплине, вывести на уровень стандартов они могут, но ученики не принимают их, не могут их уважать. Ведь это, пожалуй, трагическая ситуация.

— Да. Это очень серьезная ситуация. И зря вы думаете, что в математике больше места для

авторитарности, чем в гуманитарных предметах. Обратите внимание, какие споры и скандалы шли вокруг стандартов по математике. Вроде бы синусы-косинусы не меняются, а какие серьезные дебаты, какие противоречивые взгляды.

В каком-то смысле инерционность школы — это неплохая вещь. Образование вообще инерционно, оно передает культуру, связывает поколения, традиции. Если бы оно слишком быстро бежало вперед, что-то могло бы разрушиться. Но оно часто буксует из-за школьных мифов. Понятно, что любой человек, который не имел несчастья учиться ну уж в совсем ужасной школе, вспоминает о детстве с нежностью. И кажется: у нас было так, было хорошо, зачем же все ломать и делать по-другому?

— Это не только к школе относится.

— Да, но к школе прежде всего. Я помню, как много спорили по поводу преподавания литературы. Одна часть наших известных писателей, так называемые патриоты, почвенники, написали во все инстанции и потребовали, чтобы в школе изучали «Тихий Дон» Шолохова, на что писатели либерального толка всюду написали, чтобы был «Доктор Живаго». Поскольку я по кругу друзей и по взглядам больше отношусь к либеральной среде, меня тоже уговаривали подписать. А я говорил: каждый из вас в своих книгах пишет не так, как раньше, а стоит заговорить о школе, у вас такие же клише, как у всех. Кто вообще сказал, что главное — это список литературы? Может, нужно взять «Войну и мир» и проходить целый год? Кстати, нас примерно так учил преподаватель во 2-й математической школе. А ведь это писатели — первый ряд, в других вещах у них оригинальное, очень своеобразное мышление. Они смело рассуждают о России, ее будущем, о чем хотите, а тут — война списков!

Так же часто бывает с родителями. Я помню, ко мне приходил один недовольный папа и говорил: «Я сам учился в математической школе, мы сидели вечерами, решали задачи, нас накачали, мы поступили. А у вас?». А после того, как его сын тоже с блеском поступил в вуз, он извинился и сказал, что, видимо, чего-то не понял.

Знаете, есть такая грустная закономерность: тоталитарные режимы способствуют математическому образованию.

— И выращиванию скрипичных виртуозов…

— Вот-вот, процветает детская гимнастика и музыкальное мастерство, которое вырабатывается не любовью к музыке, а палочной технологией. Только в тоталитарном обществе дети согласны два месяца складывать дроби с разными громоздкими знаменателями. Это уже уроки не столько математики, сколько труда. А сейчас другое дело! Вы думаете, только в литературе надо заинтересовать ученика? Нет! Мы для того и пишем другие учебники математики, чтобы ему было интересно даже тогда, когда в нем кипят буйные возрастные кризисы. Причем интересно не только умному, которому дают хитрые задачи в конце, а и тому, до кого эти задачки не доходят и кому обычно остается вся эта рутина по теме труд! Мы и ему должны рассказать так, чтобы он полюбил, а не возненавидел математику. Это трудно, и это относится к любому предмету. Сегодня у учителя другая задача: не просто научить решать задачи, а объяснить, зачем это нужно, показать, как это красиво и интересно. Раньше эта задача была факультативной. Я это делал, кто-то другой не делал, а результат один и тот же — дети одинаково складывали дроби. А сейчас они просто не будут ничего делать, если их не захватить. Кроме того, сейчас другая коммуникативная система, я сегодня не единственный и не главный источник информации, она сама так и сыплется со всех сторон: вот тебе интернет, вот тебе телевидение! Я посредник, и моя задача не столько заставить выучить три или тридцать три формулы по тригонометрии, сколько научить ученика в большом справочнике находить то, что ему нужно. Конечно, учить формулы, как и стихи, тоже полезно, но не это главное. В свое время, занимаясь экзаменами для девятого класса, я предложил на обложке экзаменационного сборника напечатать формулу корней квадратного уравнения. Министерство на такую радикальность не пошло. А я хотел сделать это не столько для детей, у них память хорошая, сколько для учителя, чтобы сказать ему: не в том твоя задача, чтобы в течение месяца долбить эту сложную, вернее громоздкую, формулу, а в том, чтобы научить детей использовать ее, думать, а не только подставлять в готовые примеры. Это изменение формата, подхода, взгляда относится ко всем. Родители тоже должны понимать, что не будут работать те же методы, которые работали в их школьные годы. Главный мотор изменений в школе — это не объявление года учителя и не декларации президента, а ученик, который входит в класс. Это он заставляет меняться! Трагедия многих моих коллег в том, что они, при всех своих заслугах, не способны сегодня играть на этой площадке.

— Новые правила игры, видимо, и родителям отводят другую, более активную роль. Они не должны быть пассивными потребителями образовательных услуг, способными разве что записать свое недовольство в «жалобную книгу». Однако на родительских собраниях по-прежнему только собирают деньги на классные нужды и выслушивают сводки о двойках и тройках. Самоуправление пытаются внедрить сверху: в школах заводятся управляющие советы, в их состав вводятся родители и ученики, но все это остается пустой формальностью. А проблемы должны бы и могли бы решаться именно таким путем.

— И не могут решаться по-другому! Я двенадцать лет работал председателем Комиссии по образованию в Московской думе, и одна из проблем, с которыми я ничего или очень мало что смог сделать, это та, о которой вы говорите. Во всех законах вполне демократично прописано: и общественно-государственное управление школой, и формы, и полномочия этих советов, а на деле постоянно одно и то же. Вот вам самый простой, бытовой пример. Каждый год звонили и писали родители и жаловались: у нас в классе очень много собирают на выпускной вечер. И я все время спрашивал: простите, а кто собирает? Это-то я знал из своего школьного опыта: в некоторых вещах инициатива действительно исходит от школы, и я даже не буду ее за это сильно винить, школе никогда не хватало денег, и ей всегда, не только у нас, но и везде, помогают другое дело, что это должно быть прозрачно, добровольно. Но выпускной вечер — это точно родители решают! Деньги собирает родительский комитет, но ведь это вы, родители, его выбирали! Выберите другой, соберите меньше, обсудите между собой и с ребятами. Я привожу очевидный пример, а есть много вещей не столь очевидных: влияние родителей на школьную программу, на назначение директора — здесь можно спорить.

Это серьезная проблема, я не знаю, как ее решать. То же самое с законодательством. Я считаю, что прежде чем принимать любой школьный закон, его надо обкатывать. Я встречался с разными ассоциациями: это и круглый стол директоров, и ассоциация негосударственных школ, наладил связь даже с детскими организациями — есть такие структуры в продвинутых школах. Самая большая проблема — это родители. У нас нет общественных родительских организаций, а если есть, то это группы обиженных школой родителей, пострадавших. Я уважаю их, признаю их права, но они не выражают мнение большинства. Структуры типа городского родительского собрания существуют только теоретически. Здесь, как и в других сферах нашей жизни, происходит имитация общественных процедур, а к другому люди не стремятся.

И дело в данном случае даже не в законах, они у нас часто не хуже, чем в Европе. Но там у людей мышление другое. Вот я был у своего друга в Брюсселе, его жена известный журналист, а их сын тогда учился в школе. Они меня встречают, сажают за стол, а через полчаса жена встает и говорит: «Простите, мне надо в школу, я член родительского совета». Я даже обиделся: «Что, ты не можешь разок пропустить? Или у сына неприятности?» — «Нет, неудобно, я известный человек, и вопрос серьезный». Сын, оказывается, ни при чем, речь идет о девочке из семьи мигрантов, есть консервативные силы, и она должна отстаивать права этой девочки.

Можно возмущаться, говорить, что префект не такой, мэр, президент, но у меня ощущение, что не бургомистр Брюсселя и не бельгийский король заставил эту женщину идти на собрание.

— Может быть, нынешние ученики, став родителями, этот стереотип изменят?

— А тут мы возвращаемся к тому столу, за которым я сейчас сижу. Это имеет прямое отношение к правам ребенка. Чаще всего, говоря об этом, мы имеем в виду самых незащищенных: детей улиц, сирот, детей с проблемами здоровья, — и, конечно, я занимаюсь этими вопросами. Но очень серьезной частью моей деятельности должна быть работа с детьми, которых мы не относим к зоне риска, не с теми, кто в подвале или на чердаке, а с теми, кто живет с первого по последний этаж нормального дома. С этого я собираюсь начать свою деятельность. Буду встречаться с городским советом школьников, он состоит из членов общественных советов школ, смотреть, как они работают, расширять их опыт. Если у детей не будет этой ответственности в школе, если она не будет воспитана, то я не очень понимаю, кто и когда ее воспитает.

Представление о том, что школа не жизнь, а подготовка к жизни, самое глупое и опасное. Школа — это жизнь, причем один из самых острых, серьезных, прекрасных моментов этой жизни, поэтому все должно быть серьезно. В том числе ученическое самоуправление. Только такое ответственное сознание своих прав и обязанностей создаст поколение людей, которые потом придут в школу в качестве родителей или учителей.

— В одном из недавних публикаций нашего журнала, посвященного отношению людей к образованию, вырисовался довольно безотрадный образ: для большинства нашего населения школа — это поезд, посадил ребенка, и вот он едет по установленному маршруту.

— Хороший образ, но я бы сказал более радикально: я часто вижу, что родители относятся к школе даже не как к поезду, который все же куда-то едет, а как к камере хранения, если продолжить железнодорожную метафору. Привели в первый класс ребенка, сдали его, а дальше время от времени его получают и снова сдают. И так же — в детском саду, сколько бы ни писал хотя бы вот и ваш журнал, сколько бы ни говорили психологи о важности дошкольного возраста в формировании личности ребенка. Все равно: сдал — пошел, пришел — забрал, главное, что ребенок цел. А после школы родители его пристроят в вуз, потом на хорошую работу, тоже сунут, как чемодан. Только вот почему-то все больше людей жалуются на невероятную инфантильность своих тридцатилетних детей, которые не могут ни создать семью, ни ответственно работать. А это и есть следствие системы камеры хранения. Мы сначала требуем от детей послушания — сиди тихо! — а потом хотим ответственности и активности!

— То есть мы опять сталкиваемся с издержками авторитарного стиля воспитания: делай, как я говорю!

— Конечно. Сюда относится и наша манера ругать детей, вместо того, чтобы отделять отношение к их поступкам и к ним самим. Мы зря высокомерно смотрим американские фильмы, где родители автоматом повторяют: я тебя люблю, я тобой горжусь! Давайте немножко задумаемся. Я помню, в начале перестройки к нам приехала по обмену группа американских школьников. Однажды одна девочка после школьного вечера не вернулась сразу в семью, где жила, а поехала куда-то с ребятами на тусовку. Мы ее довольно быстро нашли, но поволноваться успели и мы, и их учительница: шутка ли, чужая страна, какая ответственность! И вот учительница говорит с ней по телефону. Какие я слышу первые слова? «Дженнифер, ты замечательная девочка, я тебя очень люблю, но ты доставила всем нам столько хлопот, заставила меня так волноваться!» Для меня это был урок. Потому что я бы убил! Ну, наверное, хватило бы педагогических сил не орать, но так начать я бы не смог. А уж для родителей такое отношение — аксиома. И никакие даже самые гениальные учителя не заменят родительской любви и ответственности...

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Почему у первоклассниц плохо с математикой?

Почему у девочек в младших классах низка успеваемость по математике и почему они, похоже, испытывают страх перед этим предметом? Возможно, они становятся жертвами стереотипа, согласно которому математика — чисто мужское дело.

Группа ученых Чикагского университета много лет наблюдала за молодыми учительницами, работающими в школах небольших городов, и их подопечными. В исследовании было задействовано 17 педагогов начальных классов, а также 52 мальчика и 65 девочек. Авторы публикации в «Докладах Национальной академии наук» отметили, что успеваемость мальчиков по математике не зависела от отношения их учительницы к предмету, тогда как успехи девочек этому отношению часто оказывались подверженными: «Если учительница начальных классов сама испытывает страх перед математикой, это заставляет ее учениц принять на вооружение стереотип, что они никогда не будут разбираться в математике так же хорошо, как и мальчики, что в результате сказывается на их успеваемости».

Для того чтобы подтвердить эту взаимосвязь, ученые сперва выявили отношение самих педагогов к математике, после чего изучили качество знаний их учеников по математике, а также наличие у них стереотипных представлений об этом предмете в начале и в конце учебного года. Исследователи знакомили учеников с историями о мальчиках и девочках, в одинаковой степени способных хорошо читать и считать, после чего просили их сделать рисунки, на которых были бы изображены ученики, хорошо успевающие по математике или же обладающие способностями к чтению.

В результате такого тестирования ученые установили, что ученицы, не имевшие изначально никаких предрассудков относительно математики, под воздействием учительниц, испытывавших страх перед математикой, приобретали уверенность в том, что мальчики обладают способностями к математике, тогда как девочки — способностями к чтению. Усвоение этого стереотипа приводило к тому, что девочки к концу года показывали заметно более низкие результаты по математике, чем мальчики и те их сверстницы, которые влиянию стереотипа не были подвержены.

Авторы исследования полагают, что и другие стереотипы в большей степени влияют на девочек, так как подавляющее большинство преподавателей начальной школы — женщины.

Девочкам все эти цифры ни к чему...

Американские девочки-подростки стали чаще беременеть

Частота беременностей подростков в США в 2006 году (последнем, за который доступны статистические данные) оказалась большей, чем в предшествующие 10 лет, пишет «ЮЭсЭй Тудэй».

Как показало исследование, проведенное в Институте Гуттмахера (Алан Гуттмахер — выдающийся американский гинеколог, создавший центр разработки программ планирования семьи; этот центр и стал впоследствии институтом его имени), в 2006 году забеременели семь процентов американок в возрасте от 15 до 19 лет, что является наибольшим показателем среди развитых западных стран.

Пока неясно, начало ли это длительной тенденции или лишь временный всплеск. Отмечено, что такой рост совпал с увеличением финансирования программ, направленных на пропаганду воздержания, — с конца 1990-х годов администрацией Буша было потрачено на такие программы около 1,3 миллиарда долларов.

А снижение частоты беременностей подростков до того, в последнем десятилетии прошлого века, было связано с грамотным использованием контрацептивов в этой возрастной группе.

Бюджет 2010 года, разработанный уже администрацией нового президента, предусматривает снижение расходов на пропаганду воздержания с увеличением финансирования образовательных программ, содержащих корректную с медицинской точки зрения и соответствующую возрасту информацию.

Что даёт преимущество в общении

Дети, с раннего возраста говорящие на двух языках, ориентируются в разговоре и распознают грубость, ложь и излишнюю информацию лучше, чем их ровесники.

Майкл Сигал из Университета Шеффилда и его коллеги оценивали способность детей распознавать нарушения базовых правил общения — так называемых максим Грайса. Эти максимы определяют правдивость, информативность, адекватность ситуации, ясность и вежливость как ключевые принципы конструктивного диалога. Ученые провели тесты на распознавание нарушений максим с детьми в возрасте трех–семи лет, которые с детства говорили на одном или нескольких языках: немецком, итальянском, английском и японском. В двух экспериментальных группах 169 дошкольников должны были, глядя на изображения беседующих кукол, указать, какая из них была груба, сообщала лишнюю информацию, говорила не по делу или неправду.

Обнаружилось, что маленькие итальянцы, живущие у границы с Австрией и говорящие на итальянском и немецком, в среднем выполняли тест лучше своих одноязычных ровесников из тех же мест. Точно так же дети, знающие английский и японский, по результатам теста обогнали тех, кто говорит только на японском.

Авторы исследования исключили влияние среды настолько, насколько это возможно, подобрав участников экспериментов из семей с похожим социальным статусом, уровнем образования и другими факторами, влияющими на навыки общения.

Результаты исследования свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что использование ребенком более чем одного языка усиливает его способность оценивать свою речь со стороны, а билингвизм дает детям преимущество в общении.

Развлекайся в меру

Две с лишним тысячи американских детей в возрасте от 8 до 18 лет были опрошены на предмет того, как они используют средства массовых развлечений (СРМ) — телевизоры, компьютеры, мобильники и плейеры, а также книги и журналы.

При сравнении полученных результатов с данными пятилетней давности оказалось, что время, которое дети и подростки ежедневно отводят этим средствам, выросло более чем на полтора часа — в среднем до семи с половиной часов. (СРМ, используемые в учебных целях в школе, не учитывались.)

Результаты поразили исследователей: каким образом дети умудряются втиснуть в единицу времени такой объем информации? Если считать каждое из СМР по отдельности, то в совокупности использование их заняло бы 10 часов 45 минут в сутки. На самом деле информация обрабатывается по многим каналам, и это не обязательно плюс. Мозг не создан для многоканального восприятия, он мгновенно переключается с одного канала на другой. В результате реального усвоения информации не происходит. Половина интенсивных потребителей СМР получает в школе плохие отметки. Как выяснилось, родители контролируют времяпрепровождение лишь трети опрошенных детей, и у них контакты со средствами массовых развлечений длятся на три часа меньше, чем у остальных.

Девочки предпочитают общение в социальных сетях, слушание музыки и чтение. Мальчики отдают предпочтение видеоиграм, проводя за этим занятием в среднем на 50 минут больше, чем девочки. Еще один интересный факт: время, которое подростки тратят на чтение книг, за пять лет не сократилось, чего нельзя сказать о газетах и журналах, — их практически полностью заменил Интернет.

Интернет-зависимость и депрессия

Британские психологи из университета Лидса выявили связь между чрезмерным погружением в интернет и депрессией: чем больше времени человек проводит в интернете, тем больше вероятность того, что он чувствует себя несчастным. Авторы исследования определяют интернет-зависимость как поведение, при котором реальное человеческое общение почти полностью заменяется общением в чатах или социальных сетях.

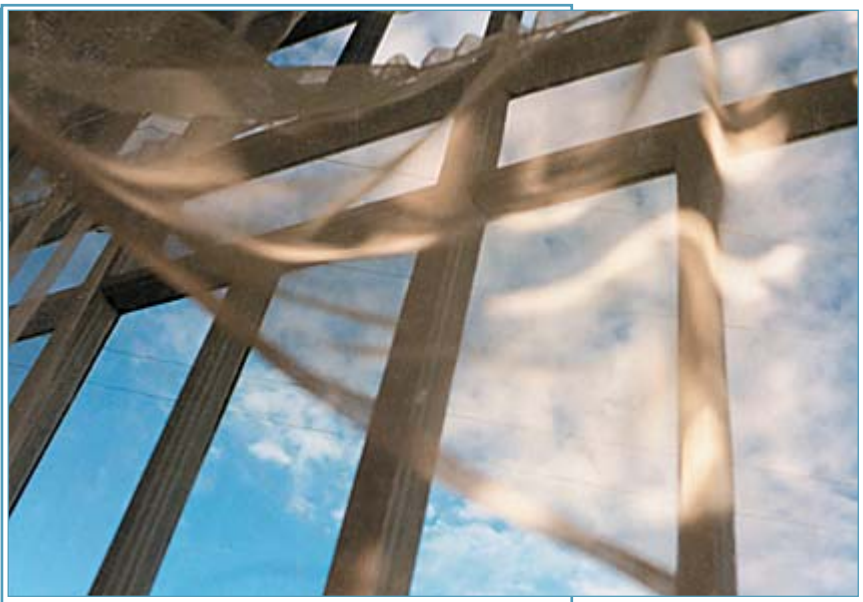
В исследовании, результаты которого изложены в журнале «Психопатология», приняли участие 1319 человек (их средний возраст составлял 21 год.) Они отвечали на вопросы онлайн-анкеты, размещенной на сайтах разных социальных сетей.

Более процента принявших участие в этом опросе (18 человек) оказались интернет-зависимыми, и многие из них страдали депрессией.

По словам руководителя проекта, «интернет теперь играет огромную роль в нашей повседневной жизни, но его преимущества сопровождаются и темной стороной... Есть люди, которые практически не могут контролировать, сколько времени они проводят в интернете, — до такой степени, что это мешает им поддерживать нормальную жизнь». Страдающие интернет-зависимостью люди страдают и депрессией в средней либо сильной степени.

Итак, исследования показывают, что чрезмерное использование интернета связано с депрессией. Но что первично: страдающих депрессией тянет к интернету или интернет вызывает у них депрессию? Есть исследования, согласно которым люди, страдающие депрессией или психологической неустойчивостью, более склонны к активному использованию интернета — а не наоборот.

И еще: безусловно, есть страдающие депрессией или беспокойством люди, для которых использование интернета становится основным содержанием жизни. Но также точно есть те, кто слишком много смотрит телевизор, читает или ходит по магазинам. Нет никаких указаний на то, что проблема кроется в самом интернете.



Свежий воздух реальной жизни...

Топографический кретинизм

Представьте себе, что вам нужно отправиться в незнакомое место, и вот вы выходите из метро или едете на машине. Часто ли вы понимаете, что перемещаетесь в неверном направлении? Многие любят признаваться в том, что совершенно не умеют ориентироваться и страдают «топографическим кретинизмом». Но правильно ориентироваться в пространстве по внешним признакам могут (и должны) и взрослые люди, и дети (а также крысы, цыплята, рыбы и другие животные). У человека такая способность формируется уже к полутора годам. А то, что даже умные взрослые люди умудряются заблудиться, — это чаще следствие плохо составленных карт и отсутствия информационных указателей.

Международная группа ученых во главе с Барбарой Ландау из Университета Джонса Хопкинса обнаружила, что умение ориентироваться имеет генную природу. (Соответствующая статья опубликована в «Докладах Национальной академии наук».) Такой вывод ученые сделали, исследуя людей с редким генетическим заболеванием — болезнью Вильсона. При ней хромосомная патология приводит к избыточному количеству углекислоты в крови — по сути, хроническому отравлению. Отсюда — общая задержка умственного развития человека, хотя некоторые области его интеллекта при этом могут быть неплохо развиты.

Насколько хорошо страдающие болезнью Вильсона могут ориентироваться в пространстве? В ходе экспериментов испытуемые должны были отыскать предмет, который у них на глазах прятали под темную ткань. Задача осложнялась тем, что, после того как предмет был спрятан, им завязывали глаза и в течение десяти секунд раскручивали их, чтобы они потеряли ориентацию. Кроме того, в самой комнате практически не было никаких ориентиров. Но при этом комната была прямоугольной, что должно было облегчить поиски.

Люди, которые обладают нормальной системой ориентации, в большинстве своем без проблем справились с поставленной задачей. А вот страдающие болезнью Вильсона спрятанное искали случайным образом, как будто никогда прежде не видели комнату, не замечали длины ее стен и свое положение — справа или слева — по отношению к ним.

Ученые делают вывод: «Хотя мы далеки от понимания связи между конкретными генами, которые отсутствуют у страдающих болезнью Вильсона, и особенностями больных, например неспособностью ориентироваться, ясно, что дело именно в генетических нарушениях».

Какое же направление верное?

Одно лицо — один нейрон

Несмотря на большое количество исследований, проведенных нейропсихологами и нейрофизиологами, непонятно, в виде чего хранятся в мозгу лицо знакомого человека или знаменитая картина. Если на запоминание каждого из объектов требовался бы, например, синтез одного нового вещества, то объем мозга обычного человека должен был бы сравняться с объемом нашей планеты. Но теперь сделан важный шаг в понимании сущности памяти. На заседании Нейрофизиологического общества в Калифорнии было доложено о результатах исследования нейронов головного мозга, когда испытуемый видит изображение знакомых ему людей, зданий, картин или ландшафта. Активность нейронов измерялась при помощи электродов на голове добровольцев.

Сначала экспериментаторы, как пишет Лента.Ру, опросили добровольцев насчет известных им знаменитостей и достопримечательностей. Затем им демонстрировали фотографии этих «объектов» — актрис Холли Берри и Мэрилин Монро, Эйфелевой башни, Билла Клинтона. Удалось выделить активность всего пяти нейронов, причем — что вообще-то поразительно — на каждый отдельный объект откликался всего один нейрон. Далее экспериментаторы подключили электроды, отвечающие, например, за «нейрон Мэрилин Монро» и «нейрон Джоша Бролина», к компьютеру, на монитор которого выводили наложенные друг на друга изображения этих звезд кино. Попросив добровольцев думать только о ком-то одном, они увидели активизацию только соответствующего нейрона и проявление на мониторе только одного персонажа.

Авторы работы полагают, что теперь можно будет создать механизмы, напрямую управляемые человеческим мозгом, а также помочь больным, например, тетраплегией — параличом всех четырех конечностей. Но гораздо важнее, что сделан важный шаг в изучении проблемы памяти. В мозгу человека триллионы нейронов, к тому же связанных друг с другом тысячами связей; теперь стало понятнее, как человек может запомнить мельчайшие детали на картине Брейгеля.

Н. П.
(по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

Трудные взрослые

Сколько сложного и невидимого происходит в семьях — между супругами, между родителями и детьми, между прародителями и внуками…

Юлия Корчагина

С рекламного плаката в метро на меня смотрит счастливое семейство — красивые, еще молодые бабушка и дедушка, улыбающиеся родители и их милые дети, мальчик и девочка. Взявшись за руки, они вышли на воскресную прогулку.

Эскалатор уносит меня вниз, но я продолжаю размышлять.

Утро выходного дня. Со звонком будильника на лице у молодой мамы появляется улыбка, она легко поднимается с кровати. В окно заглядывает солнце. Молодой муж тоже начинает улыбаться: сейчас проснутся дети, бабушка и дедушка, и можно будет пойти гулять. Но сначала общая зарядка, ведь «мама, папа, я — спортивная семья». Все собираются в большой комнате. Играет музыка, на лицах радость, все активно делают наклоны и приседания. Теперь — завтрак. Полезная овсяная каша, творог и питьевой йогурт. Можно идти на прогулку. Одежда аккуратно сложена на стульчиках, обувь выстроена в ряд в коридоре. Каждый легко справляется с этой задачей.

В моем воображении семейство выходит из дома и направляется в ближайший парк — играть на лужайке в мяч, например, в пляжный волейбол.

Папа с улыбкой бегает за улетевшим мячиком. Дети с улыбкой ждут его. Игра одинаково хорошо у всех получается, никто ни на кого не обижается, побеждает дружба.

Дальше образы становятся какими-то размытыми. Воображение с трудом удерживает улыбки на их лицах — то одна соскользнет измученно, то другая превратится в капризную гримасу.

Ощущение обмана усиливается: на плакате суррогат, не имеющий отношения к настоящей жизни. Я начинаю подозревать бабушку в раннем климаксе и чрезмерной сосредоточенности на внуках. Внуки — отрада ее жизни: с ними она переживает вторую молодость, забывает про разладившиеся отношения с мужем-дедушкой, про надвигающуюся пенсию, старость, болезни и смерть.

Дедушку я подозреваю в наличии тайной молодой любовницы и робких мыслях: «А не начать ли сначала». Но ему страшновато: там, в новой жизни, не скроешь и не обвинишь в мужской неудаче и подскочившем к вечеру давлении юную красавицу. Впрочем, вечер он собирается провести в гараже, помогая соседу чинить древний «москвич». Сосед до зависти нравится мужу-дедушке снисходительно-насмешливым отношением к жизни и меткими выражениями в адрес женского пола.

Мужа-папу я подозреваю в тайном пьянстве выходного дня и в том, что на эту прогулку с фотографиями он согласился в обмен на свободный от семьи вечер: «С друзьями давно не виделся». Пиво, мужские разговоры, дальше как получится, может быть и девочки.

С детьми останется бабушка. Жена-мама совершит очередной «шопинг», ненадолго утешившись новой блузкой. А потом с подружкой и бутылкой вина они сядут в кафе жаловаться друг другу на жизнь. Она расскажет, что у них очень редко бывает секс, потому что она устает и ей не хочется. (А как тут захочется, если все живут в одной квартире и всё слышно через картонные стены.) Расскажет, что муж-папа детьми мало интересуется, она сама после работы забирает младшую из садика, а старшего — с «продленки». У старшего, кстати, проблемы в школе: плохо учится, двойки, тройки и замечания. А муж-папа кричит на него, ремнем угрожает. Нет бы позаниматься — да он сам школьную программу еле помнит. Дочь болеет часто, тревожно за нее: слабенькая такая, как в школу пойдет? В общем, вот так, подруга, об этом ли мечталось. Но в целом хорошо, счастливое семейство. Лучше, гораздо лучше, чем у многих.

12 межрегиональная специализированная выставка
23-26 марта ОБРАЗОВАНИЕ от А до Я КАРЬЕРА
• Образовательные учреждения • Ярмарка вакансий для выпускников
• Обеспечение учебного процесса • Карьера
620072, Екатеринбург, ул.Высоцкого, 14
(343) 347-45-05, 348-25-55
jkovenko@kosk.ru, www.kosk.ru
КОСК "РОССИЯ" KOSK "RUSSIA"

Нет, конечно. Счастливые семьи есть. В них взрослые и дети относятся друг к другу с уважением и любовью. У них есть общие интересы, они любят быть вместе и уважают личное пространство каждого. Они умеют договариваться, помогать друг другу и решать проблемы. Они устойчивы и надежны.

Есть и множество, великое множество других семей. Тех, где за красивым фасадом скрываются боль, страх и отчаянье. И тех, где нет никакого фасада. Именно они больше всего пугают, вызывают чувства отвращения и брезгливости, возмущения и негодования.

Нравится это нам или нет, но дети появляются на свет в любых семьях: конфликтных, неполных, алкогольных, преступных, бедных, умственно-отсталых...

У некоторых детей родители болеют и умирают, разводятся и снова женятся, совершают преступления и отправляются за решетку, изменяют друг другу и уходят из дома, употребляют алкоголь или наркотики, жестоко обращаются с маленькими или пожилыми, сходят с ума, совершают суицид или погибают вследствие несчастного случая.

В этих семьях растут дети, и других родителей у них — нет.

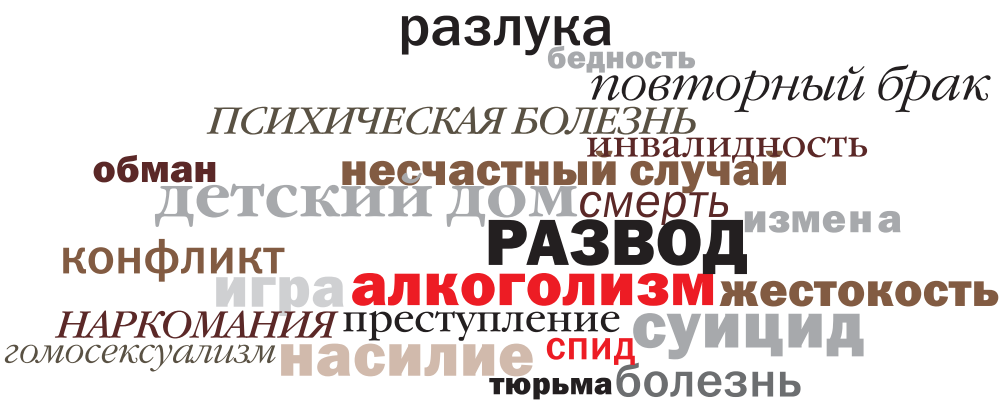
Страх осуждения и чувство отверженности, тоска и тревога, беспомощность и злость — частые спутники взрослых и детей в семьях, которые трудно назвать счастливыми из-за происходящих в них печальных событий. Ах, какая пропасть между ними и рекламным плакатом!

Можно ли помочь родителям? Можно ли помочь детям? Могут ли все быть счастливыми? Как говорить с детьми, задающими трудные вопросы о своих близких?

Статьи этого цикла — не самые легкие для чтения. В них нет умиления успехами детей и нет советов нежным любящим мамам и заботливым папам. В них есть то, что обычно принято скрывать, — до тех пор, пока не выплескивается на поверхность вся неприглядность, сложность и трагичность жизненных ситуаций. Но вынесенное наружу, оно может не только пугать, но и давать возможности для узнавания и помощи — другим и самим себе.

Кому адресованы эти статьи? В первую очередь, родителям, родственникам, семьям. Возможно — психологам, педагогам и другим специалистам помогающих профессий.

О чем эти статьи? О неоднозначности семейной жизни, о несводимости ее к сладким образам на обложке, об открытости и мужестве что-то увидеть и узнать в одном из описаний. О тактичности и серьезности. О помощи самим себе, детям и взрослым из непростых семей. О разговорах на трудные темы — вслух.



Юлия Владимировна Корчагина, кандидат психологических наук, клинический психолог, старший научный сотрудник Московского гуманитарного педагогического института

Мне пять лет. Я живу с родителями, Мамой и Папой. Я иногда хожу в садик, но чаще сижу дома — много болею. Дома мы сидим с Мамой, а Папа ходит на работу. Мама говорит, что он работает *офисным планктоном*. Наверное, это тяжелая работа, потому что Папа домой приходит мрачным и недовольным. Я никак не могу усвоить, что Папа очень устает быть планктоном, и поэтому забываю вести себя тихо. Когда он приходит с работы, я выбегаю в коридор, прыгаю вокруг него и не даю ему раздеться. Мне очень хочется показать ему свои рисунки и вместе поиграть в машинки. Обычно из этого ничего не получается... Папа сначала идет ужинать, а потом садится у телевизора с пивом. Мама говорит, что Папа так отдыхает. Раньше я спрашивал, сколько Папа будет отдыхать и успеем ли мы с ним поиграть, но теперь уже не спрашиваю. Когда пиво заканчивается, Папа ложится спать, потому что завтра ему на работу.

В выходные дни у нас тоже ничего не получается. По субботам Папа сначала долго спит, потом они с Мамой идут в магазин за продуктами, а потом он быстро собирается и куда-то уезжает. Мама говорит: «По делам», но я знаю, что Папа уходит со своими друзьями пить пиво или даже водку и вернется он очень поздно или даже на следующий день.

Обычно Мама не хочет его отпускать, и тогда они ругаются. Мама говорит, что мой Папа — *безответственный алкоголик*.

Мама вообще к алкоголю очень плохо относится.

Хотя у Мамы моей тоже такое время было, когда она вместе с Папой на кухне по вечерам вино и водку пила. Я тогда совсем маленький был и очень волновался, что она алкоголичкой сделается. У алкоголиков детей в детские дома забирают, а я хотел дома жить. Я так понимаю, Мама с Папой пила, чтоб ему меньше досталось. Правда, я ей все время мешал: только они на кухне сядут, я ее из комнаты зову. То мне попить, то мне в туалет, то мне одеяло колется, то мне книжку почитать. А сам принюхиваюсь: успела Мама уже выпить или не успела. Иногда Мама бралась мне книжку читать, но быстро-быстро так, торопливо. Выберет самую короткую сказку и читает, пропуская строчки, чтоб скорей получилось. Нервничает, значит, Мама. Ей надо идти на кухню к Папе — допил он уже бутылку или осталось еще?

Все-таки хорошо, что Маме водка не понравилась.

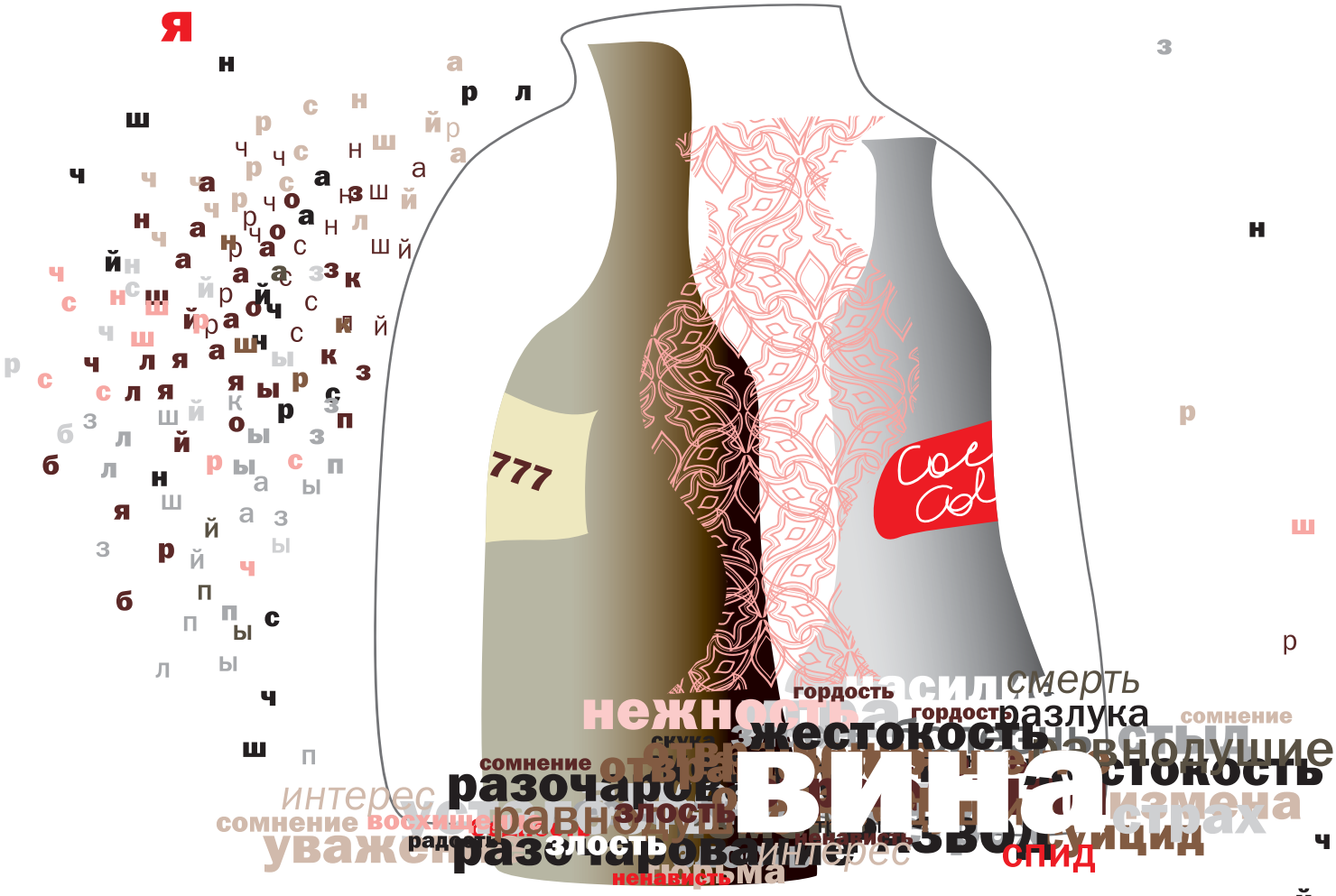
Теперь она совсем не пьет и пьяных видеть не может, говорит, что у нее аллергия на пьяных, болезнь такая. У нее один раз был такой приступ этой аллергии, что я даже испугался. Мне бабушка на улице пепси-колу дала, а Мама увидела, как я ее пью, и у нее аллергия началась. Стала бутылку отнимать, думал, руку мне сломает. А мне просто пить сильно хотелось, я голову закинул высоко и стал пить прямо из горлышка... Она как стала кричать, что так только алкоголики пьют и у нее сын алкоголиком вырастет, весь в Папочку. Отобрала и выкинула мою пепси-колу.

А Папа все чаще вечером пьяным приходит... Придет и кричит Маме: «Не нравится — давай разведемся». Я плакать начинаю, и тогда он еще кричит, что Мама «*нытика и дебила* вырастила», — меня, значит.

Иногда я думаю, что Мама и Папа живут вместе только из-за меня, по отдельности им бы лучше было. Неужели я хорошим людям жизнь испортил? Я — Мамино и Папино наказание. Но исчезнуть-то я не могу! Я с ними жить хочу, я-то их все равно люблю — даже когда Мама кричит, даже когда Папа за ремень хватается.

Мама вроде бы разводиться не хочет, боится меня без мужского влияния оставить — так она подружке своей говорила.

Я не знаю, что такое мужское влияние, но думаю — это когда Папа дома. Он ходит в старых спортивных штанах, шлепает тапками и спрашивает, когда будет готов обед. Еще мужское влияние необходимо, если я не слушаюсь. Например, надо быстро собраться на прогулку, и тогда Папа говорит, что у меня есть сорок секунд. Я не умею считать до сорока, но понимаю, что могу не успеть. Свитер путается в руках, и я надеваю его задом наперед. Рейтузы я надеваю наизнанку, потому что совсем перестаю сообра-



жать, если меня торопят. К тому же, я не хочу гулять. Обычно мы с Мамой идем в парк, где нас уже ждет ее подружка с маленькой капризной дочкой. Может, у нее Папа тоже *безответственный алкоголик*?

Я потом услышал — правда, так и есть. Только подружка Мамина не может от него уехать, у нее в деревне жилье совсем ветхое (из веток, что ли?). Там живут ее родители старенькие и сестра с детьми. У этих детей Папа пьяный упал в пруд и утонул насовсем.

Так вот, насчет прогулки. Они (Мама с подружкой) будут сидеть на лавочке и курить, а мне надо будет играть с девочкой. Девочка еще не умеет играть, все время плачет, и мне очень скучно и хочется домой. Мама тоже недовольна, потому что мы мешаем ей с подружкой общаться.

Маму мне очень жалко. Из-за меня она на работу не может пойти и вообще «отдохнуть нормально не может». И с Папой они все время из-за меня ругаются: кто меня из садика заберет, кто книжку почитает, кто на «подготовку к школе» поведет...

А еще я недавно случайно узнал (Мама подружке рассказывала), что Папа раньше о дочке мечтал. Мама вроде бы хочет девочку ему родить — вместо меня, значит. Она говорит, что Папа тогда, может быть, перестанет с друзьями пить, а будет с дочкой играть. Мне даже обидно стало: видел я этих девочек. Непонятно, чем они лучше нас. Может быть, попросить Маму, чтобы она купила мне платье? Я буду как девочка, и Папа будет доволен. Хотя я уже привык к тому, что я мальчик, мне трудно будет вести себя по-девчачьи...

А вообще, когда Мама с Папой только поженились и я еще на свет не родился, у них все иначе было. Они гулять вместе ходили, по разным городам ездили на электричках. Мама театр любила, а Папа хоть и посмеивался и *интеллигенткой вшивой* Маму обзывал, но тоже несколько раз с ней ходил. Еще он футбол по телевизору смотрел, а она рядышком сидела и шарф ему вязала. Мама вообще хорошо вяжет, мне тоже и носки, и шапочку, и рейтузы, и свитер связала. Они даже обед раньше вместе готовили и все время разговаривали друг с другом, не как сейчас. По всему получается, из-за меня у них жизнь разладилась.

А с другой стороны — может, и не из-за меня. Я в детском садике давно заметил: вдвоем легко играть, а втроем трудно, все вдруг ссориться начинают. Так и здесь. Раньше их двое было, а теперь нас трое. И никак мы втроем на прежнем пространстве не помещаемся — как пауки в банке — я картинку в книжке видел. И никому из банки не выбраться, только разбить ее и разбежаться в разные стороны. Развод — это Папу из банки выпустить, а нас с Мамой оставить. Ей, конечно, грустно без Папы будет, зато места больше. Только страшновато мне с Мамой в банке оставаться, как бы она меня не съела.

А если без развода — то, значит, надо нам в этой банке поудобнее устраиваться. Но это они, взрослые, должны придумать, как удобно будет. Если они совсем еще друг другу не надоели, пусть договариваются, как нам жизнь свою улучшить. От семьи радость должна быть хоть немного, а не мучения одни.

А еще, я думаю, Папе надо от *безответственного алкоголизма* лечиться. Как пятница наступает, он уже утром так радуется, будто его сюрприз какой-то ждет. Это значит, после работы выпивка запланирована, вот и весь сюрприз. Я рад за Папу, что ему с друзьями весело, но на следующий день ему очень плохо и злой он становится. Я думаю, что Папе надо к врачу пойти, чтобы ему лекарство от алкоголя дали. Еще я у этого врача попросил бы такую специальную таблетку — чтобы Папа увидел, какие мы с Мамой хорошие, и он стал бы с нами дружить. Может быть, и Маме такая таблетка нужна — про Папу хорошее увидеть.

А я бы тогда сам выздоровел — и болеть бы перестал, и капризничать.

Оформление Татьяны Касьяновой

Единый экзамен — чего ждать выпускникам

О том, с какими новациями могут столкнуться выпускники российских школ, сдавая Единый государственный экзамен, говорит директор департамента государственной политики в образовании Министерства образования и науки России, кандидат педагогических наук **Игорь Михайлович Реморенко.**

— Сразу отмечу, что пока мы можем говорить лишь о тех нововведениях, которые уже утверждены Министерством юстиции и с этого года обязательны для всех российских выпускников.

Первое изменение: раньше вузы имели право определять минимальное количество баллов, необходимых для поступления, только по профильному для данного вуза или факультета предмету, а с этого года они могут устанавливать такой минимум и по другому предмету. Например, для поступления на экономический факультет профильный предмет — математика, а вторым факультет может назвать, допустим, обществоведение. Это позволит вузам принимать более подготовленных абитуриентов, точнее учитывая специфику образовательной программы вуза. Кроме того, такая практика позволит отсечь при поступлении «глубоких троечников». Ведь по данным университета «Высшая школа экономики» со средним баллом по ЕГЭ по физике и математике ниже 55 в прошлом году на инженерные специальности было принято около трех четвертей первокурсников.

— Как такое возможно?

— Единым экзаменом определен базовый уровень оценки знаний по каждому учебному предмету — не ниже 30 баллов; иначе выпускник вообще не может быть аттестован. И чем выше сумма баллов по всем предметам, тем больше у абитуриента шансов быть принятым в вуз. Прежде в списке вступительных испытаний выделялся один наиболее значимый для него предмет, профильный. Так, чтобы быть принятым на экономический факультет, выпускник должен был иметь не только такую общую сумму баллов, которая необходима для зачисления на первый курс, но и получить на госэкзамене по математике не менее, скажем, 45 баллов. А с этого года столь же повышенный проходной порог может быть задан — я продолжу пример — и для обществоведения.

— То есть он фактически становится вторым профильным предметом?

— Да, и это предоставит факультету больше возможностей для отбора тех, кто лучше подготовлен по наиболее важным для данной специализации предметам.

Кстати, замечу, что сегодня более 40 процентов тех старшеклассников, кто уже определился с выбором будущей профессии, обучаются в «профильных» старших классах; в одних предпочтение отдается точным наукам, в других — гуманитарным. Учащиеся таких классов, как правило, успешнее преодолевают вузовские конкурсы или более осмысленно выбирают учреждения среднего профессионального образования. При этом для тех, кто ориентирован на гуманитарную сферу деятельности, курс математики в старших классах может быть упрощен.

— Будут ли новые пороговые уровни по профильным предметам едины для любого вуза страны (допустим, в Новосибирске и в Москве), или каждый вуз может устанавливать свой порог?

— Единым для всей страны остается только базовый уровень для каждого учебного предмета, по которому выпускники сдают единый экзамен, те самые 30 баллов, а сумму баллов по профильным предметам, необходимым для поступления на тот или иной факультет, будет иметь право определять каждый вуз.

Второе изменение вводится по предложению Российского Союза ректоров, оно позволит снизить, говоря условно, техническую нагрузку на вузы. Суть дела вот в чем. До нынешнего года было три волны подачи документов для зачисления в вузы; в результате во многих вузах прием шел до сентября. С этого года выпускникам придется уложиться в две волны; первая продлится с 30 июля по 5 августа, вторая — с 5 по 10 августа. Не преодолевшие вузовского конкурса успеют подать документы в учреждения среднего профессионального образования, а вузы в случае необходимости могут до 1 сентября объявить об оставшихся вакантных местах и добрать студентов на первый курс.

И третье изменение: с этого года выпускники имеют право подавать заявления о приеме только в пять вузов, а внутри вуза участвовать не более чем в трех конкурсах, то есть претендовать на поступление в один из трех факультетов.

— Какова цель такого ограничения?

— Предполагается, что такое ограничение побудит выпускников более осмысленно подходить к выбору будущей профессии, не подавать заявления о приеме на факультеты, не имеющие между собой ничего общего.

Есть блок вопросов, которые еще обсуждаются, решения по ним могут быть приняты в ближайшее время. Например, по двум обязательным на ЕГЭ предметам — русскому языку и математике — предлагается разрешить выпускникам выбирать, на какой уровень, базовый или профильный, они будут экзаменоваться.

— Что это им даст?

— Те выпускники, которые готовятся поступать на гуманитарные факультеты и заниматься, скажем, филологией, будут сдавать русский язык как профильный предмет, а математику, в которой они слабее, как базовый. И наоборот, те, кто готовят документы для поступления на инженерные факультеты или тот же экономический, где математика — предмет профильный, на выпускных экзаменах смогут сдавать ее на профильный уровень, а русский язык — на базовый.

— Регламентируются ли экзамены по языкам национальных республик?

— На федеральном уровне — нет, это прерогатива республиканских органов образования. В национальных республиках школьники помимо русского языка как государственного изучают и родной язык, но дальше все зависит от того, кем они хотят быть. Если, например, школьным учителем татарского языка или специалистом в области татарской культуры, то при поступлении на соответствующий факультет они дополнительно к баллам, набранным на ЕГЭ по двум предметам, должны будут по решению вуза сдать экзамен по национальному языку. То же предстоит тем абитуриентам, которые, поступая на филологический факультет или в институт международных отношений, хотят изучать китайский язык. Однако, как вы понимаете, это совершенно особые ситуации, а не общая практика.

— Игорь Михайлович, почему такое внимание уделяется именно единому экзамену? Разве у системы образования нет других серьезных проблем?

— Безусловно, в системе образования есть и куда более серьезные проблемы. Мы, в частности, много работаем над системами оплаты труда педагогов, занимаемся вопросами школьного дизайна и архитектуры, проектными методами обучения. Однако можно отметить, что ЕГЭ за последние годы более любой другой инновации затронул все слои населения — школьников и родителей, школьных учителей, педагогов системы среднего специального образования, ректоров и преподавателей вузов.

Впрочем, еще в сентябре 2007 года на президентском Совете по национальным проектам руководители думских фракций, говоря о наиболее острых, с их точки зрения, проблемах образования, ЕГЭ упоминали разве что десятым пунктом. Но мимо внимания прессы это обстоятельство как-то прошло…

Так или иначе, остро обсуждаются и другие темы. Например, стоит ли уже первокурсников ориентировать на получение будущей профессии. То и дело всплывает тема так называемого распределения: в прежнее время еще до получения диплома молодому специалисту предлагали место работы, и он обязан был проработать на нем три года. Сегодня немало людей ратует за возврат к такой практике, то есть к обязанности государства предоставлять молодому специалисту рабочее место. Оппонирующие им отстаивают свободу трудоустройства. Эти и ряд других вопросов не имеют отношения к ЕГЭ.

— Понятно, но что же кардинально изменилось с введением единого экзамена?

— На мой взгляд, возникла принципиально новая ситуация. Если десять лет назад экзаменационные задания могли быть разными — скажем, одни в Калининграде, другие в Ангарске, третьи во Владивостоке, — то теперь предложена единая для всей страны мерка оценки качества преподавания и знаний выпускников любой школы — в сибирской глубинке и в кавказских республиках, в областных городах и в селе. Раньше на экзаменационные оценки могли влиять так называемые местные условия, и только благодаря ЕГЭ было создано унифицированное, единое для всей страны образовательное пространство. Что, в частности, позволило сравнить уровень образования в разных регионах России, а затем, опираясь на результаты сравнения, заняться его выравниванием.

Замечу, что введение новой формы проверки успеваемости выпускников не было увязано с новыми требованиями к качеству образования и новыми образовательными стандартами — на выходе из школы ребята должны были показать те же, что и раньше, знания, навыки, компетенции. Но сама процедура, новая форма сдачи экзамена затронула интересы всех — от самих школьников и их родителей до руководителей вузов. Я не говорю о коррупции — сразу искоренить ее вряд ли возможно,- но, замечу, что в некоторых регионах, где на экзаменаторов оказывалось давление с целью завышения оценок, руководители управлений образования были уволены. Не говорю о репетиторах — они были и будут. Но надо признать: сам процесс сдачи Единого экзамена более прозрачен и уравнивает тех, кто учится в глубинке, с живущими в больших городах.

— Понятно, что результаты Единого экзамена проявляют уровень любой школы, а ребята из провинции «отнимают» места у столичных выпускников. Но ведь не только по этим причинам у многих сохраняется отрицательное отношение к ЕГЭ?

— Нет, не только поэтому. Он в его нынешнем виде не идеален и нуждается в совершенствовании. Причем в перспективе некоторые предложения о совершенствовании практики единого экзамена заслуживают внимания, в частности предложение о создании независимых центров сдачи ЕГЭ. Хотя в основном его критикуют не за процедуру. А более всего критикуют за якобы механистичный подход к оценке знаний — за тесты, за контрольно-измерительные материалы, за то, что на один вопрос надо выбрать единственно правильный ответ из пяти предложенных… Но это — миф. На самом деле дело обстоит не так: просто выбрать правильный ответ надо лишь в первом задании (А), тогда как два других предполагают развернутые ответы — менее (В) и более (С) подробные. Причем часть «А», наиболее простой элемент экзамена, год от года сокращается, а наиболее важными для оценки уровня знаний и творческих способностей выпускника становились разделы «В» и «С».

Впрочем, обоснованная критика всегда полезна. Само министерство менее всего отстаивает механистический подход.

— Не раз говорилось о том, что будут сформулированы альтернативные тесты — они уже разработаны?

— Пока только по математике. Чтобы оптимизировать качество контрольно-измерительных материалов, надо было еще лет десять назад создавать «рынок» — повышать конкуренцию среди разработчиков тестов по всем предметам. Потому что, не испытывая конкуренции, сложившиеся группы утрачивают стимул для совершенствования заданий, что характерно для любой профессиональной деятельности — монополизм постепенно, но неуклонно ведет к снижению качества. Сейчас мы стремимся такую конкуренцию обеспечить, поддерживая создание новых методических групп. Такие группы уже работают для разработки заданий по математике, и, возможно, они успеют подготовить новые экзаменационные материалы даже к выпускным экзаменам 2010 года.

— Различаются ли сегодня, как предполагалось, тесты для выпускников, которые собираются поступать либо на гуманитарные факультеты, либо на технические?

— Нет, пока все различия связаны с базовым и профильным уровнями, однако не для предметов по выбору. Но тут важно другое: если выпускник хочет поступать, допустим, на филологический факультет или исторический, то для него на экзамене оба эти предмета автоматически становятся профильными — по ним для поступления ему необходимо набрать как можно больше баллов. И если он набирает сумму, необходимую для преодоления конкурса, то у него есть право и возможность учиться в самых престижных вузах страны.

— Какие категории выпускников получат в этом году какие-либо льготы?

— Льгота предусмотрена для людей с ограниченными возможностями здоровья: они могут сдавать либо ЕГЭ, либо традиционные экзамены. Кстати, Единый экзамен — вообще не единственная форма проверки знаний. Есть и другие — олимпиады и научные конкурсы; полученные их участниками результаты также можно отнести к льготам. В частности, победители Всероссийской Олимпиады школьников имеют различные льготы, начиная от максимального количества баллов по предмету и заканчивая поступлением без экзаменов.

Беседу провел М. Хромченко

«Тайны» образова

Борис Бим-Бад

Настоящее.

Государство, общество, школьные работники и сами учащиеся школ почти в равной степени заинтересованы в сохранении нынешней системы «бесплатного» среднего образования. Государство якобы платит и *потому* «заказывает музыку». Массы не знают, что платят за образование все-таки они, а не какая-то безликая абстракция, и рады, что с них снято, как им кажется, двойное налогообложение. Директора, надзиратели и учителя молят Небо, чтобы им вовремя выдавали зарплату. Школьники усвоили, что без аттестата никуда не денешься, поэтому им приходится нехотя принимать правила игры. До недавнего времени все участники школьного дела ворчали на его недостатки, но в целом были согласны: с этим делом, благом ли, злом ли, придется мириться.

Главная цель государства, точнее — правящих и господствующих групп (ПГГ), сводится к использованию школ для промывания мозгов, для тренировки будущего налогоплательщика в подчинении начальству и для недоразвития сущностных человеческих сил, а именно — критического мышления, самостоятельности и самоорганизации, свободного творчества жизни. ПГГ заинтересованы во внедрении ложного ощущения «образованности» в тех, кто усвоил школьные «основы наук» и благодаря этому может приобщиться к высшим уровням специализации, то есть непреодолимой односторонности и ограниченности.

Вот почему в школе изначально и по сей день царствует зубрежка далеких от интересов учащихся сведений, будто бы почерпнутых из различных наук (так называемых основ наук). Любознательность, наблюдательность, креатив успешно отмирают. На запоминание уходит так много времени, чтобы с помощью обязательного посещения занятий занять молодежь полезной ПГГ деятельностью. Насильственное внедрение практически любой информации воспитывает в школьниках спасительное (от преследований в будущем) умение делать вид, что они верят именно в то, что им *говорят* разные «старшие» и что *написано* в учебнике.

Дети от природы любознательны и способны любого взрослого замучить своими вопросами о происхождении, назначении и сущности всего, что есть в мире.

Но в школе постепенно любознательность засыпает, а вместо нее появляется леность мысли. Виновата в этом только школа с ее требованием зубрежки далеких от интересов ребят теоретических (точнее — схоластических) предложений.

Широко мыслящие учителя, заботящиеся о талантах своих подопечных, в действительности не имеют возможности развивать творческий резерв учащейся молодежи. Дело в том, что любая модификация сократических технологий образования (эвристического метода) требует значительного времени для самостоятельных раздумий школьников, а то и посильных исследований. И как тогда покрывать «программу», натаскивать на всевозможные «тесты успешности», глушить способности зубрежкой? Методисты, завучи, родители, да и старшеклассники не согласятся с поисковыми и проблемными методами учения.

Родители частенько выступают против творческих методов обучения, говоря: «Разве можно научить мудрости в мире стрессов, спешки, погони за выгодой и успехом...

Мудрости?.. А не опасна ли эта мудрость новых поколений? Я-то ведь совсем не так уж и мудр! А ничего — вон каким начальником вымахал! Если они, дети, будут мудрее меня, ведь не станут, надо полагать, ни слушаться, ни уважать! Без меня обойдутся! Пожалуй, пусть вместо мудрости учатся чертежи хорошо читать: здесь польза для них, для дела и для меня очевидна. Пусть приспособятся зарабатывать — остальное приложится, и мудрость тоже. Или не приложится, тем хуже, но это уже меньшая проблема».

Творчество учителей уходит в изощрение дозволенного способа образования.

Вы хотите доказательств? Пожалуйста. Обратитесь к истории массовой школы, содержащейся в ПГГ. Со времени своего возникновения (в XIX веке) «бесплатная» школа не приняла ни одного из достижений передовой педагогической мысли и практики элитарных (привилегированных) школ для немногих свободных людей.

Прошлое.

Что бы ни говорили придворные педагоги, в школу для народных масс так и не проникли ни Сократ, ни Витторино да Фельтре, ни Ибн Халдун, ни Рабле, ни Коменский, ни Кант, ни Песталоции, ни Владимир Одоевский, ни Лев Толстой, ни Выготский, ни Нил, ни Пиаже, ни Макаренко, ни Фрейри, ни Сузуки, ни Ильенков... Никто из великих педагогических мыслителей и героев чудодейственной практики образования.

А ведь все они делали одно и писали одно, только с разных временн*ы*х и аспектных точек зрения. Ими разработаны и опробованы безотказные пути такого воспитания и обучения в общеобразовательной школе, которые были бы реально осуществимы и в настоящих социальных условиях и не слишком продолжительны, но вместе с тем давали бы ум, достоинство, нравственность, здоровье, профессию, ориентацию в мироздании. Проверены и доказали свою действенность также пути образования, обеспечивающие самовоспитание.

Открытия и прозрения замечательных педагогов прошлого и настоящего стали достоянием редких школ и немногих типов домашнего обучения для единичных избранников, счастливцев, которых судьба не обязывала быть обманутыми в общедоступных школах. Обманутыми «людьми, специально нанятыми, чтобы дурачить беззащитную молодость» (Генри Адамс), но не сознающими этого, поскольку они сами введены в заблуждение и обворованы культурой.

В чем же сходятся все гениальные, просто талантливые и честные педагоги всех времен и народов?

Образование должно быть сообразным с природой человека и с его культурой, средой, действительностью, практикой общества. Школа — сколок общества и культурный центр своей общины.

Школа должна воспитывать лучшее в человеке.

В школе вызываются к жизни, тренируются и тем самым совершенствуются способности к созидательной деятельности.

Школа помогает систематизировать, упорядочить и углубить картину мира в сознании учащихся, которые учатся понимать себя и других.

Школа исходит из повседневных восприятий, наличных интересов, потребностей, проблем и влечений учащихся, облагораживая их.

Школа учит мыслить, мыслить научно, серьезно и долго, — вплоть до совершеннолетия человека и, желательно, человечества. И уж конечно — по достижении самостояния тоже.

тельной политики

Как говаривал Иоганн Гердер, «Что же, мы не знаем, чему и как учить? Что же здесь сложного? Пусть только не мешают».

До сих пор ПГГ именно мешали, и мешали неотразимо.

Близящееся будущее.

Но сейчас они, правящие и господствующие группы, оказались в трудном для себя положении: рынок труда остро нуждается в здравомыслящем работнике, нуждается ныне в таких ключевых умениях выпускников школ, как способность действовать в социально и культурно разнородных группах и действовать самостоятельно. А также — в способности ориентироваться в быстро меняющемся мире и получать новые познания. От любых работников ожидается не просто и только разумность, но и нестандартность, и критичность мышления — креативные качества.

Государственные школы во всем мире вынуждены ныне ослаблять нагрузки на механическую память. В ходе непрерывных боев вырисовывается территория образования для жизни и через жизнедеятельность. Это образование призвано удовлетворить потребности личности, прояснить и украсить жизнь человека. Оно поощряет самостоятельность и свободу самовыражения.

Из целей школы для простых людей постепенно исключается слепое послушание, отсутствие жалоб, тренировка механических умений и запоминание без применения.

Образовательные идеи прежней элитарной школы постепенно присваиваются массовым образованием. Это вектор современной педагогики на всем земном шаре. Не опоздать бы и нам.

Борис Михайлович Бим-Бад, доктор педагогических наук, действительный член Российской Академии образования

Ясно также, что здание современного массовой школы надобно строить с крыши — с высшего педагогического образования. Чтобы было кому работать на всех ступенях школы, придется начать с подготовки учителей. А для этого сфокусировать усилия *учителей учителей* — в целях модернизации педагогического образования.

Учителю надобно столь же широкое образование, как и медикам или юристам. Его подготовка должна требовать такого же длительного и тяжелого труда, медленного и смиренного ученичества, какие необходимы для членства в других ответственных профессиональных корпорациях.

Весьма перспективна, открыта будущему, гибка и адаптивна модульная система последипломной практики. Модульная система заключается в годичном обучении в самом широком диапазоне выбора возможных навыков, умений и видов педагогической деятельности, за которым следует целенаправленная специализация.

На выбор предлагается множество общеобразовательных курсов и специальных курсов, казалось бы, далеких от выбранного направления. Вуз предоставляет студентам варианты курсов по возрастной и педагогической психологии, методические варианты лекций и занятий по истории педагогики и дефектологии.

В интернатуре осуществляется благодаря модульной системе подготовка педагогов *различного профиля*. Среди них — социального работника, домашнего учителя, репетитора и гувернера. Специалистов во врачебной педагогике, музыкальной педагогике, в образовании взрослых, психологии высшей школы, военной педагогики и спортивной педагогики, художественной и производственной педагогики.

После окончания высшего профессионального педагогического заведения и прохождения интернатуры начинается специализация. Один или два года уходят на специализацию в ординатуре в ходе практической работы в школах.

После специализации можно получить диплом специалиста (или ученую степень) и квалификацию педагога-воспитателя и учителя-предметника.

Социальный статус учительства в значительной степени определяется вознаграждением за труд, условиями труда, социальными благами и льготами, в частности, оплаченными отпусками.

Педагогическим работникам образовательных учреждений минимальные ставки заработной платы и должностные оклады необходимо устанавливать в размере, превышающем уровень средней заработной платы в Российской Федерации.

Учителей начальной школы следует приблизить к учителям средней школы в их заработке и статусе.

При этом невозможно превышение максимально допустимых учебных нагрузок на педагогического работника образовательного учреждения. Оптимальный рабочий день учителя, как свидетельствует мировая практика, — около 7 часов при недельной нагрузке около 25 уроков.

Повышение заработной платы учителей желательно поставить в зависимость от нескольких одновременно действующих факторов.

Желательно планируемое повышение заработной платы за каждые два года стажа работы в школе и за сертифицированное повышение квалификации.

Страхование жизни и здоровья учителей целесообразно осуществлять за счет бюджета.

Владимир Леви:

Детская агрессия: как вникать и что делать

В № 1 журнала были представлены возникающие из переписки с читателями материалы, которые автор размещает на своем сайте в Интернете (levi.ru). Здесь — продолжение начатого разговора о детской агрессивности. Напомним, что обращаться к Владимиру Львовичу можно, посылая ему письма не только на указанный адрес сайта, но и на адрес журнала (электронный или почтовый).

...Читаю в свежей почте письмо матери:

«Только что отвела сына в садик: пошел с глазами, еще мокрыми от слез. Почему слезы? Горя никакого, слава богу, не произошло. А вот ребенка будто подменили...

Жене сейчас четыре года. Веселый, активный, добрый, озорной, любимый близкими мальчишка... И вот сейчас я не понимаю, почему происходит то, что происходит. Женька агрессивный стал, злится, раздражается, обижается, дерется, обзывается.

Я не сторонник постоянных наказаний. Но иногда не выдерживают нервы, сейчас я могу и шлепнуть, не выдержав. Когда шлепну, вижу, что ребенок страдает, что он еще озлобленнее становится. Не делаю я этим лучше. А с другой стороны, слов он действительно не понимает. Сразу повышает голос, когда ему просто спокойно что-то говорят. Кричит: «Ты что, глупая? Я тебе сказал: дай мне сок! Что, несколько раз надо повторять?»

Вчера на ровном месте обозвался, стукнул. Я его шлепнула по губам, сказала, что мама самый близкий человек, что она тебя любит, что нельзя маме говорить такие слова и драться, что это плохо. Так он в ответ: «Ты мне не мама больше!» Понимаю, что, возможно, он не думает так, как говорит... Но как ножом по сердцу...

Еще, возможно, ситуация усугубляется тем, что папа долгое время не поддерживал мои, как он говорит, «методы воспитания». Говорил, что слишком добрая, что все ему с рук спускаю, только говорю с ним. Папа мог наорать на него, грубо отволочь его в комнату...

Иногда я Женю оставляю в углу подумать, что он поступил нехорошо, а потом предлагаю поговорить. Но в углу он не стоит, выходит, при этом в мой адрес звучат нелестные слова. Потом появляется папа, который до этого просто лежал на диване и не вмешивался. И при сыне говорит: «Что, опять твои крутые методы воспитания?» Я не раз просила мужа так не делать. Если есть что сказать, это нужно делать, когда сын не слышит... А так о каком авторитете можно говорить...

Подскажите, пожалуйста, что делать? Что я делаю не так? Не хочу слез... Хочу, чтобы Женя не относился так к маме, чтобы не огорчался, был счастлив. Чтобы все мы были счастливы... Ксения».

В письме Ксении, как обычно бывает, дан моментальный снимок ситуации в свете моментального настроения. Что-то на этом снимке видно отчетливо, на переднем плане, что-то размыто — на заднем, что-то лишь смутно чувствуется... Трудности с сыном описаны так, будто вся ответственность за его воспитание лежит только на Ксении: «Что я делаю не так?». А супруг-отец что упустил? Лежит на диване и не вмешивается, потом вдруг возникает...

Проблемный ребенок вбирает в себя проблемы родителей и всего взрослого окружения, на языке своего поведения проявляет и предъявляет их. Четырехлетний Женя явно не относится к типу детей-негативистов. Он лишь недавно вошел в это состояние — его «будто подменили». Его агрессивное поведение — не постоянное, а лишь усиленное и учащенное в сравнении с прежним; он и раньше не был пай-мальчиком. Агрессия направлена — очень важно заметить — против взрослых, против матери особенно, и частота вспышек нарастает.

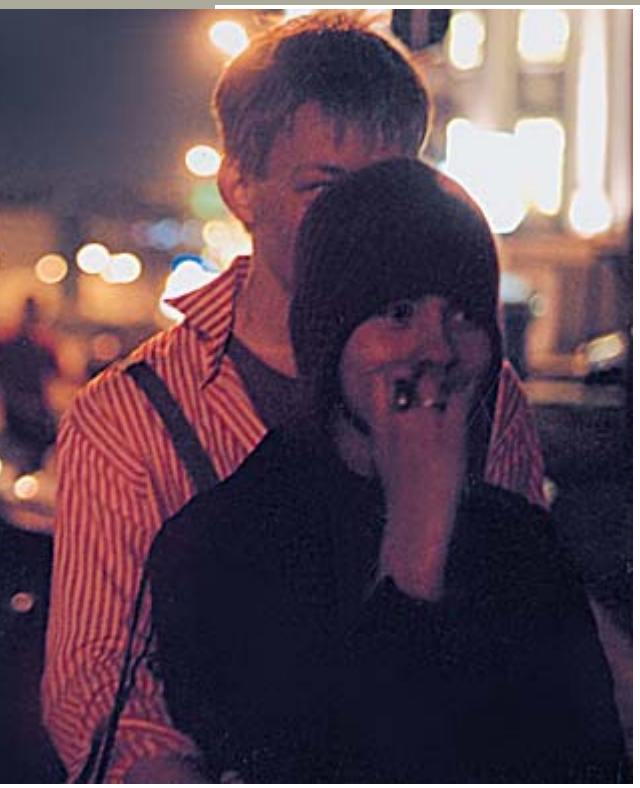
Вероятных причин может быть несколько. Возможно, здесь психофизическое переутомление: ходить в детский сад каждый день — это работа, работа тяжкая, по себе помню. Может быть, не хватает воздуха и движения, разнообразия занятий и впечатлений. Может быть, ребенок недосыпает. Может быть, есть скрытая интоксикация организма из-за какого-то болезненного очага (в миндалинах, например), неверной диеты...

Возможно, Женя вошел в пресловутый «период упрямства», время первого и болезненного самоутверждения личности, доказательства миру, что ты человек, а не машина для послушания, — пусть даже и наиразумнейшим указаниям взрослых. Классики детской психологии относят этот период к промежутку от двух с половиной лет до трех с половиной, максимум четырех. Но у каждого сроки свои, и бывают дети, у которых период упрямства так и не начинается или начинается только в подростковом возрасте...

Или же мальчик непроизвольно подражает агрессивности окружающих (даже скрытой). Впечатлительному ребенку достаточно посмотреть пару вульгарных мультиков, чтобы на пару дней охаметь. А сколько всего хамского и агрессивного успевает он набраться за день дома, на улице, на экране, в транспорте, в детском саду, потом в школе?.. Все дети подражают невольно и вольно, все ловят и нахватывают что угодно невесть откуда, из воздуха.

Женя, возможно, как раз такой. Слова его, приводимые мамой, оформлены явно в стилистике грубого взрослого наезда на нерасторопного малыша. Взято из своего же дома? Ребенку много не нужно: даже глубоко спящие дети, не просыпаясь, каким-то образом чутко ловят все страсти-мордасти взрослых и после по-своему их выражают...

Можно заподозрить свойство, общее для детей и для взрослых: сливать злость, агрессию, подспудно накапливаемую от перетерпливаемых унижений, сиречь ущерба самооценки, на кого-нибудь, кто для этого удобнее. Мягкосердечная мама или бабушка — в самый раз. Не на них, так на какую-нибудь мелюзгу, на младенца, на муху. Испортить вещь, чашку разбить, игрушку сломать... Как природа не терпит пустоты, так подсознание не терпит закрытости и безысходности — куда-нибудь да прорвется, наружу выплеснется. Если вы наказали ребенка, а он счел наказание несправедливым, а следовательно, унизительным, счел насилием и ничем больше, — будьте уверены: это аукнется, подсознание отомстит. Похоже, что самооценка Жени сейчас терпит ущерб, и он возмещает его на маме.



Под большим подозрением детский сад. Но, может быть, первую скрипку успели сыграть и описанные мамой антипедагогические приемы папы.

Возможно, имеет место то, что я называю накаткой. Все домашние размолвки, ссоры, скандалы — и между родителями и детьми (всех возрастов), и между супругами или братьями-сестрами, — происходят, как правило, по одной схеме, хоть и по разным поводам. По одному алгоритму, одному сюжету. Грабли, на которые обе воюющие стороны с упорством, достойным лучшего применения, наступают, обладают удивительным свойством: с каждым на них наступанием и стуканьем по мозгам — ожидаемого обучения этих самых мозгов почему-то не происходит.

Нет, происходит. Только обучение с минусом, отрицательное. Обучение — как не надо, как хуже. Обучение наоборот. Накатка, как я это называю. И правда, похоже на накатанную ледяную дорожку. Прокатились разок-другой — стало скользко, еще раз-другой — еще скользче, еще легче кататься и с каждым разом все дальше... Вот уже не дорожка, а зеркало, навернешься — мало не покажется...

По такой вот накатке сталкиваемся, ругаемся, озлобляемся, уродуемся и уродуем, уничтожаем друг друга. Словно актеры, в несчитаный раз играющие один и тот же спектакль, — актеры несчастья, превратившиеся в автоматы, пускаемые в ход нажатием некоей красной кнопки. Накаткой — самообучением злу — становятся и повторные эпизоды безнаказанной спонтанной агрессии. Похоже это еще на закручивающуюся воронку, все более расширяющую свой охват. Заступили чуть за невидимую границу — и понесло, закрутило... Все большое начинается с малого.

Нажимателем красной кнопки в конфликтах обычно оказывается кто-то один. Ребенок для этой роли более чем подходит: «Вчера на ровном месте обозвался, стукнул... Я его шлепнула по губам...» Но на ровном ли месте Женя обозвался и стукнул?.. Не на ровном он был месте, а уже был раздражен чем-то, уже скользил по дорожке конфликта, уже крутился в воронке и цепкой ручкой втащил туда маму...

Хорошо, что мама Ксения — любящая, добрая, ответственная, самокритичная, думающая, расположенная учиться и изменяться. А что растеряна, что ведет себя непоследовательно и подчас по-детски, что эмоций больше, чем разума... Покажите, у какой мамы не так, дайте почитать этот ходячий учебник.

Все мы некомпетентны в собственной жизни. Любому, даже суперпсихологу, нужен зоркий и понимающий взгляд со стороны и немного сверху. Свои глаза другому не вставишь. И тем не менее работа нашего брата психолога-психотерапевта на то и нацелена, чтобы к затуманенному взгляду человека изнутри его жизни прибавился ясный и действенный взгляд извне, — чтобы слились эти взгляды в действенном Понимании.

Вот такие соображения — полезные, возможно, для всех, заглядывающих на мой сайт, — вызвало у меня письмо Ксении. А теперь — ответ, отправленный именно ей.

Ксения! Понять, почему Женю вашего «как подменили», и поправить положение можно, если: хорошенько подумать; целенаправленно понаблюдать; поэкспериментировать с собственным поведением, поискать варианты лучших способов общения с ребенком.

О чем подумать? О том, что (или кто) может ребенка напрягать, раздражать, раздергивать. Вполне ли здоров? Нет ли перебора с агрессивными мультиками или компьютерными играми? Не угнетает ли его что-то в детском саду? Чего он боится? От чего защищается? Что его может разочаровывать?.. Против чего (кого) протестует, бунтует? Может быть, вносит смуту в душу домашняя атмосфера, нелады между вами и мужем? Об всем этом, впрочем, я написал в общем комментарии к Вашему письму.

Что должно стать предметом вашего постоянного наблюдения и осмысления? Самочувствие и настроение ребенка, изменения их вместе с переменами поведения в зависимости от времени суток, погоды и ее перемен; того, чем занимался до вспышки грубости, от настроения вашего или кого-то из домашних; от каких-то ситуаций (например, надо одеваться или укладываться спать); от поступков, слов — ваших или чьих-то еще, на которые реагирует особенно обостренно...

С кем общается, с кем общался перед тем, как «началось», сыт или голоден, недоел или переел, гулял (много или мало) или дома сидел, удовлетворялись ли его желания или были запреты, ограничения?

Сразу повышает голос, когда ему просто спокойно что-то говорят? А что именно «говорят спокойно»? Спокойно можно сказать: «Погода хорошая», «Убери игрушки», «Я тебя люблю», «Ты дурак», «Пора спать», «На конфетку», «Не ковыряй в носу», «Мороженого нельзя», — всё можно сказать спокойно. Наверное, не на все ваши спокойные слова, к нему обращенные, Женя реагирует повышением голоса, а лишь на какие-то отрицательно для него значимые? И так ли уж спокойно вы к нему обращаетесь? Без крика, тихо, даже шепотом — еще не значит спокойно: дети чутко ловят подтексты...

Внимательно проследите, при каких условиях, в каких обстоятельствах всего чаще и вероятнее возникают капризы, упрямство, непослушание, грубость, агрессия. (И, кстати, не только у Жени — у вас и у мужа тоже.) Вы уже накопили немало таких наблюдений, но пока их не обдумали, не составили себе ясной картины для практических выводов.

Пожалуйста, заведите тетрадь ежедневных наблюдений. Записывайте каждым вечером, как прошел день, в каком ребенок был настроении и как себя вел, со всеми сопутствующими событиями и обстоятельствами. В записях должно быть как можно меньше ваших эмоций и как можно больше объективности и конкретики. Записанные наблюдения сами собой будут выстраиваться в связную картину, и вскоре вы убедитесь, что обрели бесценный инструмент исследования собственного ребенка. Поймете, от чего зависит его самочувствие, его настроение, а с тем и поведение. А когда поймете — сможете верно действовать.

«Что я упустила?» Думаю, в перспективе пока ничто серьезное не упущено, все поправимо и многое достижимо. Главное упущение на сегодня — ваше недогадывание о душевном состоянии и самочувствии ребенка, неведение о его внутреннем мире, непрочтение его переживаний. Потому-то и остаются неуследимыми моменты начала перемен его настроений. Очень важно припомнить, с чего это началось и как развивалось, ибо выход из безвыходных положений там же, где вход.

«Что я делаю не так?» Наверное, многое, как и все мы, родители, не исключая самых искушенных психологов.

Если бы у меня была видеокамера для наблюдения за вашей с ребенком жизнью, если бы я сидел за этой камерой круглые сутки изо дня в день, и если бы всегда точно знать, что не так, а что так...

Одно «не так» видно из письма — нестыковка ваших намерений, действий и слов, противоречивость сигналов, подаваемых ребенку. Когда мама говорит малышу, что она его самый близкий человек, что она его любит, и одновременно бьет по губам... Сами подумайте, какой образ мамы, какое понятие о близости и любви вы в него этим внедряете.

«Как искать и находить лучшие способы общения с ребенком?» Допустим: ребенок на ровном, как вы полагаете, месте, обзывает вас дурой. Возможно, такое случалось уже не раз. Что вы обычно делаете в ответ?.. Бьете по губам, заявляя при этом, что вы его любящая мама. Опробованные варианты с отрицательным результатом. Грабли, уже набившие себе мозоли о ваш лоб.

А ведь есть множество других вариантов, других способов реагирования. Следующую «дуру» постарайтесь проигнорировать. Не сделать вид, будто бы не услышали, — нет, услышать и отнестись спокойно, как к дождику или лаю собачки.

Трудно, конечно. Но вы постарайтесь, дайте себе заранее такую установку, настройтесь — и хотя бы отчасти получится. И если получится (с каждым разом все легче), то слышать вы будете уже не только словесный текст «дура», но и бессловесный *контекст*: скрытое содержание. Не «дура», а «Плохо мне... я одинок и меня не слышат... да как же мне докричаться... да что же мне с этой жизнью и с собой делать...» Вот он, контекст.

Если вы не реагируете как автомат, не ведетесь агрессивными текстами, а слышите их контексты, вы уже не управляетесь стихией конфликта, бессознательной темной силой. Вы внутренне свободны. Можете искать, пробовать, испытывать подходы и варианты.

Спросим себя: чего мы хотим — чтобы ребенок не грубил, не орал, не закатывал истерик, не дрался (дальше — не врал, не бездельничал, не воровал, не курил, не пил, не кололся)?.. Чтобы он этого не делал — или чтобы ему *не хотелось* этого делать?.. Чтобы не говорил маме «такие слова» — или чтобы *не хотел* говорить, чтобы так не думал?..

Разница принципиальная. Когда за «дуру» по допотопному рецепту больно накажут (око за око, агрессия на агрессию) это слово вслух может больше не произноситься, но обзывать вас ребенок будет мысленно. Страх наказания удержит язык. Это просто. И, пожалуй, лучше, чем ничего. Лучше, чем безвольное пассивное попустительство: можно хотя бы жить. Но как жить?..

Вот как: на страхе. Без искренности. Без доверия. Без настоящей, открытой любви. Жить на пороховой бочке. Так и живет испокон века несчастное человечество, не придумавшее пока для борьбы со злом ничего лучше наказания и его угрозы им — репрессивной модели существования.

Как же не подавлять агрессию агрессией, а изживать ее? В ответ на «дура» *можно*: крепко взяв ребенка за плечи, серьезно, неотрывно и пристально (но не зло!) смотреть ему прямо в глаза, мысленно произнося нечто в таком духе: «Все прошло... ты хороший... ты успокоился... мы с тобой дружим... я люблю тебя... все будет хорошо...» Постоять так молча секунд пять, потом сразу отпустить и спокойно, как ни в чем не бывало, продолжать делать свое дело. (Допустим, готовить обед или одевать ребенка.) Все, что вы сказали без слов, ребенок прочтет душой в ваших глазах, все это в него войдет и будет работать.

На многих детей такое бессловесное внушение действует сильнее любых слов или шлепков. Но не следует делать этого более трех раз в месяц — воздействие ослабеет. Все приходится разнообразить и обновлять.

Еще *можно*: властно обнять, сильно прижать к себе (возобновив этим чувство телесной связи и мягко напомнив о своей превосходящей физической и душевной силе), посадить к себе на колени или взять на руки (хорошо и поднять повыше, слегка встряхнув, а потом крепко обнять). И в таком вот положении (контекст: мы с тобою одно, и ничто нас не разлучит, твоя глупость в том числе) спокойно сказать: «Я знаю, тебе сейчас трудно. Мне тоже. Иногда мы бываем в плохом настроении. Иногда нам хочется поругаться, подраться. А потом мы все равно миримся и любим друг дружку... Сейчас мы с тобой подышим глубоко-глубоко... И нам станет легко-легко... Ну вот. Уже легче... Мы с тобой помирились, мы дружим, нам хорошо вместе жить... А сейчас мы пойдем гулять (будем обедать, играть, спать...).

Еще варианты из *эн* возможных.

— Дура!

— Что-что?.. Не слышу. Погромче, пожалуйста.

Допустим, говорит громче.

— Не слышу. Еще громче... Еще, еще громче...

Допустим, орет во всю глотку.

— Нет, все равно не слышно. Непонятно говоришь. Ты лучше спой, когда поешь, слышнее...

Может продолжать, истерически-исступленно, либо, что вероятнее, уже механически, на исходе эмоции... В любом случае в конце концов выплеснется и иссякнет, а вы, если проявите терпение, останетесь неуязвимой — победите в его пользу. Никаких больше нравоучений и наказаний — довольно, он уже сам себя наказал.

Или:

— Меня зовут Ксения, а не Шура.

(Не Нюра, не Мура, не Жмура...)

— Дура ты, дура!

— Что такое «ду»?

— Ду-ра!

— Что такое «ра»?

И так далее.

Смысл подобных ответов на детскую агрессию: показываете ребенку, что вы душевно сильны и оценочно от него независимы; показываете свою власть над собой и немножко над ним. Показываете свое понимание его состояния и — при твердом неприятии безобразного поведения — несокрушимое приятие его самого: свою *самоуверенную* любовь. С четырехлеткой лучше всего конфликт увести побыстрее в игру.

— Дура!

— Где кура?

— Дура!

— Кура нашлась, вот она, ко-ко-ко, куд-кудах-тах-тах... А где петух? Куд-куда мой петух пошел?

— Дура! Ты дура.

— Ага, вот и он, петух. Петушок и курочка — дурачок и дурочка. Жили они, были, как их звать, забыли. Это сказ не про нас, а про то, как свет погас. Хочешь сказку дальше — покажи мне пальчик.

Вы сказки ребенку вообще рассказываете иногда?.. Играете с ним в ролевые игры?.. Перевоплощаетесь еще в кого-нибудь, кроме надоевшей и ему, и вам Мамы? Однообразной мамы, озабоченной своим авторитетом, но не озабоченной — и напрасно — своим артистизмом.

Пробовали превращаться в Дельфина, в Клоуна, в Медведя, в Пингвина, в Волшебницу, в Карлсона?.. В кого-нибудь из любимых персонажей — из книжек, из мультиков?.. Все первое десятилетие жизни, да и добрая половина, если не больше, второго — Царство Игры, Королевство Фантазии, Империя Сказки! Общение со старшими изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год — без фантазии, без игры, без перевоплощений в домашнем театре — для ребенка болотище скуки! И одна из достаточных, из природно-законных причин повышения агрессивности...

Не сомневаюсь — вы сами, если попробуете-поищете, найдете что-то свое, работающее. Только начните и не отступайтесь, смело испытывайте то и се, отпустите себя в поиск!

Что отражают зеркала?

В Государственной Третьяковской галерее (на Крымском валу) прошла выставка «Зеркала», на которой была представлена живопись XIX–XX веков из фондов галереи и мастерских художников. Показаны произведения живописи, графики, скульптуры, также арт-объекты, коллажи, инсталляции, в той или иной мере имеющие отношение к «зеркальной теме».

З. Е. Серебрякова **За туалетом. Автопортрет** 1909

Н. П. Богданов-Бельский **Дети за пианино** 1918

Вверху: В. Е. Попков **Натюрморт с зеркалом** 1971

Совершенно неожиданная затея. Никакой идейной подкладки, искусствоведческой зауми, никакой конъюнктуры. Затея простая, для всех: старых и молодых, взрослых и детей, художников, критиков, любителей — всем предлагают соединить с просмотром игру, да и в самый просмотр внести элемент игры. Надо попытаться отгадать — что отражают зеркала?

Входишь в первый, довольно узкий зал, не ожидая никакого подвоха. Прямо перед нами колоссальное овальное зеркало в стеклянной раме, на подставке — ваза с цветами, повторяющаяся в зеркале. Но, удивительное дело, в зеркале виден и портрет императрицы Елизаветы Алексеевны (супруги Александра I) кисти Жана-Лорана Монье, висящий на противоположной стене. Он загадочно мерцает из зазеркалья. Почему-то вспоминается версия некоторых пушкинистов, согласно которой кроткая, умная и очень красивая Елизавета Алексеевна была «утаенной любовью» Пушкина... И только обойдя зеркало, понимаешь: нас провели, это обманка. Зеркала нет, зеркальная рама обрамляет пустоту. И то, что кажется отражением, — в точности такая же подставка и такой же букет. А портрет — обычный парадный портрет, какие принято было писать с венценосных особ. Нет, впрочем, не совсем обычный: рядом с императрицей на полотне художник изобразил зеркало, в котором отражается ее горделивый профиль. Образ императрицы как бы двоится...

Такие затеи любили в XVIII веке. А век XIX-й не сулит нам столь многих зеркальных превращений. Кажется, тогда ничего не происходило, ничего не преображалось — каким уходило внутрь, таким же выходило наружу. Зеркало до мельчайших деталей отражало быт, будто созданный на века. В живописи К. А. Зеленцова, М. Ф. Славянского (первая половина XIX века) зеркала живут в уютных интерьерах, украшая их наряду с портретами предков. Да, это только предмет интерьера.

А в работах передвижников зеркала, как правило, исчезают, чтобы вновь появиться в конце века.

И. Ф. Блюмель
Клоун с зеркалом
Металл. 1980

Вверху:
П. В. Кузнецов
Натюрморт с зеркалом
1917

А. В. Устинов
Мирная марсомания

Вверху:
К. М. Истомин
Перед зеркалом
1932

Перед нами портрет Ермоловой кисти Валентина Серова. Актриса позирует в вестибюле Малого театра. Зеркало за ее спиной, отражающее угол и карнизы противоположной стены, увеличивает пространство картины, раздвигает его. Величественная фигура актрисы делается еще выше ростом, художник дает почувствовать то, что называют «любовью пространства». А в портрете Ильи Остроухова, выдержанном в излюбленных Серовым черно-серых тонах, зеркало над головой портретируемого разбивает аскетическую гамму, в нем отражается какая-то из картин знаменитой коллекции Остроухова, врываются красные, бело-черные тона, их игра что-то меняет в нашем отношении к изображенному. Жаль, что на выставку не попал портрет Генриетты Гиршман, один из самых красивых серовских портретов. Она позирует перед зеркалом, одна створка которого отражается в другой, и Гиршман оказывается в Зазеркалье. Что-то смутно-таинственное мелькает там, художник не пытается сделать отражение более отчетливым, его прельщает неопределенность. Можно подумать, в нем пробуждается романтик. Это в Серове-то — с его глазами, похожими на рентген!..

Уже грядет Серебряный век, он уже начался, и романтическое, а иногда и мистико-романтическое дыхание врывается в стихи, в живопись, на сцену. Зазеркальные гости «Поэмы без героя» Ахматовой представляют то время, им посвящена она из глав поэмы. Мейерхольд ставит Гофмана и сам играет доктора Дапертутто, злого волшебника, который похищает отражения несчастных влюбленных в зеркалах. Постановка прославилась, Мейерхольд получает прозвище доктора Дапертутто. На выставке представлены иллюстрации Николая Ульянова к «Сказке о потерянном изображении» Гофмана, до-

вольно редко выставляемые, острые, выразительные. В его же карандашном рисунке «Пушкин с женой» светская чернь изображена только в зеркале и воспринимается как нечто зловеще ирреальное.

Но вот перед нами одно из созданий Серебряного века, лишенное всякой мистики, фантастического тумана и мечтательности, исполненное радости и света, сразу же располагающее к себе — «У туалета» Зинаиды Серебряковой. Это эмблема выставки, она воспроизводится на всех афишах. Прелестная молодая женщина с такой открытостью, таким доверием к миру... Между тем есть в этом автопортрете нечто, заставляющее задуматься. Художники всех времен писали себя, глядя в зеркало (а как же еще?), но само зеркало не изображали. А здесь мы видим художницу в зеркале. С зеркалом у нее свои отношения, она не только ему доверяет, она его любит, как любит свою молодость, солнце, мир. Этим и покоряет нас портрет.

К. С. Мамонов
Разбитое зеркало. 1985

Справа:
А. М. Герасимов
Портрет балерины О. В. Лепешинской. 1939

Ж.-Л. Монье
Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны

Вверху:
Г. С. Верейский
Мальчик у зеркала
1925

В советское время «зеркальная» тема разделяет художников на тех, кто с его помощью украшает действительность и тех, кто боится в него заглянуть. (Конечно, это весьма условное деление.) Великолепен портрет балерины Ольги Лепешинской кисти Александра Герасимова. Зеркало в золоченой раме отражает фигуру балерины со спины, в нем же виден художник с кистью в руках; этот мир благополучен и устойчив, а между тем картина писалась в 1939 году. Александр Дейнека пишет свою «Натурщицу перед зеркалом» десятилетием раньше. Старинная рама от зеркала как бы обрамляет фигуру натурщицы, для контраста на подставке — обнаженная фигурка египтянки. Красивая вещь, вот только вместо зеркала пустота, ничего не отражающая. Художнику нужна была только рама.

Зеркало становится опасным. Это можно заметить в «Натюрморте с зеркалом» Павла Кузнецова.

А. А. Дейнека
Натурщица перед зеркалом.
1928

Справа:
М. Ф. Ларионов
Проститутка у парикмахера
Конец 1920-х

Для натюрморта выбраны несколько предметов — графин, стакан, зеркало для бритья. Довольно тусклое освещение. Но чье лицо мы видим в зеркале — с глубоко запавшими глазами, бритым черепом, скорбно сжатым ртом? Трудно представить, что это милый, добрый Павел Варфоломеевич, — скорее это гость из будущего. Неужели его можно было представить в 1917 году, когда писался натюрморт?..

Действительность менялась. Побеждает установка на единообразие, догматическое мышление становится предпочтительным. А зеркало могло выдать то, что предпочитали утаить...

Нам предложили неожиданный угол зрения на знакомые и незнакомые произведения русской живописи. Предоставив каждому право на свое понимание. Что ж, будем благодарны устроителям выставки.

Л. Осипова

Гриша — ребёнок-катастрофа

Екатерина Мурашова

В издательстве «Самокат» готовится к выходу научно-популярная книга Екатерины Мурашовой «Ваш непонятный ребенок», состоящая из историй, в основе которых лежат реальные случаи из практики автора — писателя, биолога, психолога. История Гриши — одна из историй, с которыми автору приходится сталкиваться как семейному психологу в детской поликлинике. В предыдущем номере был начат рассказ о Грише и его семье.

«Сказать о Грише, что он рос подвижным ребенком, — значит не сказать ничего. Не было ни одной вещи в доме, которая могла бы чувствовать себя в безопасности, когда Гриша бодрствовал. Вызывали врачей на дом. Врачи выписывали успокаивающие травяные сборы и говорили: «Терпите!».

Свекор как-то в шутку назвал Гришу «ребенок-катастрофа», и это прозвище настолько укрепилось за мальчиком, что даже он сам, когда его спрашивали: «Как тебя зовут?», отвечал: «Гришка-катастрофа».

В школе все было плохо с самого начала. Учительница говорила о Грише: «Он, в сущности, хороший мальчик. И интеллект у него, судя по всему, в порядке. Но его пребывание в школе на сегодняшний день бессмысленно. Он совершенно не слышит меня на уроках, не воспринимает дисциплинарных требований. Либо переходите на домашнее обучение, либо подождите еще годик — может, дозреет...»

Когда Гришина мама пришла ко мне на прием, я открыла тоненькую медицинскую карточку Гриши и сразу же в заключении невропатолога увидела слова, которые и ожидала увидеть после первых же слов Гришиной мамы: гиперкинетический (гипердинамический) синдром».

Как вести себя с гиперкинетическим ребёнком?

1. Первый и самый главный совет родителям гипердинамичных детей — **не пытайтесь держать в себе все свои чувства**. Никакого, даже самого олимпийского спокойствия на гипердинамичного ребенка не хватит. Единственное, чего вы добьетесь, «педагогично» пытаясь годами сдерживать себя, это то, что один вид собственного чада будет вызывать у вас внутреннюю дрожь или глубокое раздражение. Если вы в ярости, скажите или даже крикните об этом. Если в отчаянии — продемонстрируйте его ребенку в полной мере. Если ребенку случилось порадовать вас, порадуйтесь от души, не ограничивайтесь нейтральным: «Давно бы так...» или почти оскорбительным: «Вот так и ведут себя нормальные дети...».

2. Тщательно отделяйте оценку поступков ребенка от оценки его личности.

Поступки гипердинамичного ребенка почти всегда ужасны, раздражающи и неуместны. К чему-то вы сумеете притерпеться с годами. (Например, к тому, что он ест на бегу, забывает в садике свои вещи и засыпает, стоя на локтях и коленях.) Что-то так и останется нестерпимым. (Например, то, что он *всегда* вбегает в комнату в грязных ботинках и, поминутно обещая: «Больше не буду», также поминутно нарушает свои клятвы.)

Но личность ребенка — это не только особенности его нервной системы, обусловленные микроорганическими внутриутробными поражениями головного мозга. Хотя иногда за ними так трудно разглядеть все остальное... Но это нужно, необходимо, просто-таки жизненно важно для вашего ребенка, которому и так достается гораздо больше окриков и нравоучений, чем обычным детям. Воспитатель в саду видит в нем несносного шалуна, учитель в начальной школе — постоянно отвлекающегося ученика, который к тому же еще и отвлекает других. Вы же должны видеть личность.

Его достоинства — незлобивость, отходчивость, общительность и контактность, щедрость и готовность поддержать любое начинание, легкость на подъем и неистощимый оптимизм — это его и ваш актив.

Вы осуждаете неприемлемые поступки ребенка и наказываете его за них. Вы, не особенно сдерживая себя, говорите о том, какие чувства вызывает в вас то, что он вот уже в триста двадцать пятый раз... Но раз за разом вы говорите ребенку (и помните сами) о том, что несносные поступки — это еще не личность, что существуют резервы и достоинства, на основе которых все сегодняшние проблемы, несомненно, будут преодолены.

Можно сказать: «Я терпеть не могу, когда грязные ботинки стоят на тумбочке. У меня руки опускаются и не хочется делать ничего хорошего...»

Но нельзя (по этому же поводу) сказать так: «Ты грязнуля и неряха, я терпеть тебя не могу. И ничего хорошего можешь от меня не ждать...»

3. Обязательно предоставьте ребенку как можно больше возможностей для реализации его физической, моторной активности.

В доме, где растет ребенок с гипердинамическим синдромом, обязательно должен быть домашний стадион, хотя бы в виде перекладины в дверном проеме, на которой висят кольца, лесенка или канат. Пусть ребенок до изнеможения бегает во дворе, играя в футбол или хоккей, лазая на дворовых снарядах или катаясь с горки. Как только позволит возраст, обязательно отведите его в какую-нибудь спортивную секцию. Это может быть тот же футбол или волейбол, но может быть и студия народного танца или пантомимы. Главное — чтобы там было как можно больше движения и чтобы ребенку нравилось туда ходить. Гипердинамичные дети редко сразу находят «свою» секцию, они ведь вообще быстро ко всему остывают. Но здесь вы должны проявить настойчивость. Не одно, так другое. Не другое, так третье. Гипердинамичный ребенок, как в воздухе, нуждается в структурированной физической активности. Иначе он и в десять лет будет так же бестолково носиться по двору, как носился в пять. Любые, даже самые незначительные успехи ребенка в спорте (или искусстве пантомимы) должны поощряться. Ведь его так часто ругают...

4. До определенного момента и определенной степени будьте органом планирования и органом оценки последствий поступков, совершенных вашим ребенком.

Это то, в чем он сам трагически слаб. Предвидеть, что будет, оценить, что потом, спланировать, как сделать, чтобы все получилось — все это гипердинамичному ребенку в буквальном смысле органически недоступно. По крайней мере, до поры до времени. И вот здесь ему приходят на помощь родители. Именно они становятся на время как бы «внутренним голосом» ребенка, который ненавязчиво, в доступных ребенку выражениях, не развешивая ярлыков, предупреждает, советует, планирует, анализирует и оценивает результаты.

— Это может быть опасным, так как...

— Возможно, Коля обиделся потому, что ты...

— Если ты сейчас поступишь именно таким образом, то в следующий раз...

— Вот этот путь разрешения ситуации оказался явно удачней предыдущих, так как привел к...

— Вероятно, в сходных обстоятельствах всегда имеет смысл поступать именно так...

5. Никогда публично не присоединяйтесь к окружающим в оценке

вашего ребенка, даже если по сути вы и согласны с ней. Вы, родители, — его единственный оплот и защита. Вы знаете его лучше всех, и только вы видите в нем за проявлениями синдрома симпатичную, по-своему страдающую личность. Пока ребенок будет знать, что кто-то видит в нем не только безнадежного шалуна и «ребенка-катастрофу», кто-то надеется и верит в возможность позитивных перемен, до той поры у него самого сохраняется стимул к самообузданию и самовоспитанию.

6. Гипердинамичный ребенок поверхностен не только в своих увлечениях, но и в своей эмоциональности. **Старайтесь побольше говорить ему о чувствах, которые испытываете вы сами и другие люди, проясняйте для него нравственную и этическую глубину ситуаций, которые происходят на его глазах, в телевизионных фильмах, в книгах.** Сам ребенок может не заинтересоваться этим и даже не заметить возможности «заглубиться» в происходящее. Это вам тоже придется сделать за него. Потом он привыкнет, и у него проявится возможность пользоваться для анализа ситуации заложенными вами алгоритмами.

7. Самая распространенная рекомендация для родителей гипердинамичных детей, имеющаяся практически во всех соответствующих справочниках и пособиях: «**Родители должны тщательно, неустанно и как можно раньше приучать ребенка к усидчивости и внимательности**». Прекрасная рекомендация. Если кто-нибудь знает, как ее исполнить, — флаг ему в руки. Со своей стороны могу предложить одну старую, еще средневековую игру. Она прекрасно тренирует произвольное внимание (которого так не хватает гипердинамичному ребенку) и заодно тренирует беглость мышления (которая вообще никому никогда не вредила).

Что хотите, то берите,
Да и нет — не говорите,
Черного и белого не называйте,
О красном — не вспоминайте!
Вы поедете на бал?..

Вспомнили игру из своего детства? Прекрасно, приступайте. Только не забывайте чередоваться, не только вы должны «ловить» ребенка, но и он вас. В эту игру можно играть всей семьей, по дороге в школу, моя посуду и стирая белье.

Не вспомнили? Тогда объясняю. Один спрашивает, остальные (их может быть много) — отвечают. Нельзя говорить: «да», «нет», «красное», «белое», «черное». Задача водящего — запутать играющих быстрыми вопросами и заставить их сказать одно из «запретных» слов. Тот, кто «проговорился», становится водящим.

Чего можно ожидать в будущем?

Как уже упоминалось, пик проявлений гипердинамического синдрома приходится на предшкольный и младший школьный возраст. При благополучном стечении обстоятельств дальше происходит обратное развитие процесса, и проявления синдрома постепенно ослабевают. К 15–16 годам в таком случае бывшие гипердинамичные дети практически ничем не отличаются от сверстников. Их подвижность и повышенная отвлекаемость, разумеется, сохраняются, но уже как вариант нормы.

Таким подросткам по-прежнему нужны подвижные игры и занятия. Спорт, походы и дискотеки навсегда останутся для них более предпочтительными развлечениями, чем библиотечные столы, заваленные пыльными манускриптами. Профориентируя таких подростков, не стоит предлагать им профессию летчика, бухгалтера, литературоведа или селекционера. А вот адвокат, геолог, гид или коммивояжер вполне подойдут.

Однако, если ребенку успели еще в детском садике и младшей школе объяснить, что он «самый плохой», «самый бестолковый» и «при его невнимательности из него никогда не выйдет ничего путного», а измотанные родители не нашли возможностей встать на защиту своего чада, то проявления гипердинамического синдрома именно к подростковому возрасту особенно сильно начинают сказываться на его дальнейшей судьбе.

«Самый плохой», «самый трудный» — он и идет к плохим и трудным, становится членом подростковой группировки с асоциальным или отклоняющимся поведением. Здесь его бесстрашие, импульсивность, презрение к увещеваниям и наказаниям впервые оказываются уместными, вызывают уважение сверстников. Отвергнутый «нормальным» миром, именно здесь находит он сочувствие и понимание. И тогда, учитывая интеллектуальную и эмоциональную поверхностность гипердинамичного ребенка-подростка, его несклонность к размышлениям, анализу и просчету последствий, нужны какие-то экстраординарные меры и события, чтобы заставить его свернуть с выбранного им пути.

Поэтому, несомненно, стоит спохватиться раньше и защитить своего ребенка от подобного неблагоприятного развития событий на более ранних этапах его взросления, не дожидаясь подросткового возраста.

Чем может помочь специалист?

Мне кажется, что на первом этапе развития гиперкинетического расстройства, когда ребенок еще совсем мал, а диагноз только что установлен, в консультации психолога нуждается не столько ребенок, сколько его родители.

Психолог, у которого времени на индивидуальный прием больше, чем у невропатолога, поставившего диагноз, расскажет родителям, с чем именно им предстоит иметь дело, с какими трудностями в воспитании ребенка им придется столкнуться, какие способы преодоления этих трудностей целесообразны, а какие для ребенка с гипердинамическим синдромом совершенно исключены.

Так, ничего, кроме вреда, не могут принести обращенные к ребенку призывы «сосредоточиться», «взять себя в руки», «не отвлекаться». Бесполезной тратой времени будут и попытки уговорить или заставить такого ребенка «сидеть спокойно» и «не вертеться», когда ему что-то читают, рассказывают или иным образом занимаются с ним.

Так, гипердинамичный сын одной из моих клиенток учился читать... под кроватью. Именно туда он прятался от попыток матери усадить его за стол или хотя бы на диван. Мать была в отчаянии, так как на следующий год Мише предстояло идти в школу, а он даже не знал букв. Я посоветовала матери не напрягаться и идти от предложений ребенка. Изготовив соответствующие случаю карточки, мать, лежа на кровати, спускала их вниз и задавала вопрос. Из-под кровати немедленно слышался ответ, сопровождающийся бешеной возней и довольным хихиканьем. Уверенно читать по слогам шестилетний Миша обучился за три с небольшим месяца таких «подкроватных» занятий. При этом занимался он с искренним удовольствием, попутно учил читать плюшевую собачку и грузовик, которые тоже жили под кроватью, а после окончания цикла заявил: «В школе еще надо писать и математика. Математику я буду делать под папиной кроватью, а писать — за фикусом. Только пусть мне мама прописи купит, как у Иры, с Микки-Маусом».

В дальнейшем целесообразно организовать контакт со специалистом так, чтобы он мог не часто, но регулярно наблюдать за развитием ребенка, соответственно корректируя рекомендации для родителей. В случае тяжелого гиперкинетического расстройства, осложненного другими неврологическими нарушениями (такими, как нарушение развития речи, повышенная

агрессивность, неспособность к контактам с другими детьми), могут потребоваться дополнительные исследования (например, при неадекватной агрессивности — энцефалография, чтобы исключить наличие очагов судорожной готовности в мозгу ребенка) и (или) коррекционные занятия с психологом. Коррекционные занятия, в зависимости от фокуса проблем ребенка, могут быть как групповыми, так и индивидуальными.

Индивидуальные занятия показаны для детей с трудностями в обучении, связанными с отвлекаемостью и недостаточным развитием произвольного внимания. Групповые занятия нужны в том случае, когда ребенка необходимо адаптировать к коллективу сверстников, научить его успешно взаимодействовать с ними, играть в совместные структурированные игры.

Вернёмся к Грише...

Для меня было совершенно очевидно, что ни на какой анализ ситуации Гришина мама сейчас не способна. За много лет она устала от бесполезного анализирования. Этой семье были необходимы действия. И хотя бы маленькие победы.

— Отправить Гришу в деревню — это значит отказаться от борьбы, сдаться на милость его состояния...

— Да, я знаю. Я в общем-то и не собиралась его никуда отправлять. Так просто сказала, себя потешить...

— Готов ли ваш муж помогать вам? На сегодняшний день?

— Да, конечно. Он много работает, но для Гриши всегда найдет время. Лишь бы была какая-нибудь польза. А то мы уже отчаялись...

— Тогда для начала так. Находите какую-нибудь обучалку-развивалку для подготовки к школе и *немедленно* отдаете туда Гришу...

— Его же не возьмут никуда... Он же несносный...

— Найдите дорогую, с маленькими группами. Туда возьмут. Соглашайтесь со всем, что говорит учительница, дарите цветы, кивайте головой как китайский болванчик: «Обязательно сделаем, Марья Петровна! Работаем, Марья Петровна! Спасибо за ценные указания, Марья Петровна!». Ваша задача — чтобы Гриша, по крайней мере, два-три раза в неделю находился в условиях более или менее структурированного коллективного обучения. Вы совершенно правы в том, что домашнее обучение гибельно и для него, и для вас. Только в классе, только вместе со всеми. Заниматься в обучалке-развивалке ему будет легко, он уже многое знает. Его будут хвалить. Это непривычно, и для того, чтобы испытать это непривычное удовольствие снова и снова, ему придется напрягать внимание, следить за учительницей, чтобы вовремя поднять руку, ответить впопад и, в конце концов, заслужить ее похвалу. Положительный опыт обучалки-развивалки плюс ваша поддержка («Вот видишь, здесь у тебя все получается, получится и в школе. Все дело в том, чтобы следить, знаешь, как разведчики следят, шпионы, и все вовремя понять и ответить, когда спрашивают...») позволят перекрыть негативный опыт неудачи этого года.

— Как-то мне уже и не верится, что все так хорошо получится...

— Именно вы и должны верить. Если не будете верить вы, не поверит никто. И еще вам придется прислать ко мне папу. И завести собаку. Только не какую-нибудь там таксу или коккер-спаниеля. Эрдельтерьер или даже лучше фокстерьер...

— Но они же лают все время!

— Да, лают! — плотоядно усмехнулась я. — А еще бегают, прыгают и суют во все свой мокрый черный нос.

— О господи! — Антонина сжала руками виски. — Вы думаете, они будут вместе?..

— Именно так я и думаю. И не забудьте про папу.

Папа оказался спокойным и здравомыслящим человеком, который прекрасно чувствовал состояние жены, но устранился от ситуации, будучи ничем не в силах помочь ни ей, ни сыну.

— Понимаете, — негромко объяснял он мне. — Я пытался все делать в соответствии с инструкциями, с книгами. Но ничто не помогает. В конце концов, я же не специалист в вопросах воспитания, я строитель, я кормлю семью, а Тоня сидит дома... Ей понадобилась ее мать, я согласился, хотя видит бог, как с ней тяжело. Это же прямо какой-то унтер Пришибеев в юбке. Но Гришка ее хоть как-то слушается и боится — этого не отнять... Может быть, и в самом деле разумнее было бы отправить его в деревню, но, сами понимаете, все во мне протестует. Отказаться от мысли самому растить своего сына, дать ему образование, сделать из него культурного, современного человека...

— Не надо ни от чего отказываться... Вы готовы попробовать следовать еще одному набору инструкций?

— Вы специалист, вам виднее, — попробовал отвертеться папа.

— Готовы или нет?

— Всегда готов! — мужчина вскинул руку в пионерском салюте и я поняла, что в борьбе за Гришку-катастрофу мы обрели еще одного, очень важного союзника.

— Для начала вам придется купить велосипед, фокстерьера и подробную карту города и области.

— Велосипед у меня есть, — флегматично откликнулся папа, решив, видимо, ничему не удивляться. — На даче в сарае. Можно привезти. Про фокса жена мне уже говорила. Я звонил в клуб, они обещали

перезвонить. Карты — это не проблема. А что мы будем делать потом? Искать клады? — В голосе папы явно против его собственной воли прозвучала надежда, и вдруг на какое-то мгновение в солидном директоре фирмы проглянуло что-то от Тома Сойера. Именно в этот момент я впервые заметила, что Гришка-катастрофа похож не только на маму и бабушку, но и на папу.

— Да, клады. Обязательно клады. Именно так, — подтвердила я, хотя за секунду до этого не думала ни о каких кладах.

Дальше события разворачивались стремительно, совершенно в Гришкином стиле. В дорогой обучалке-развивалке флегматичная учительница («Она на карася похожа!» — со смехом рассказывала Антонина) полюбила Гришку с первого взгляда.

— Он у вас такой подвижный, раскрепощенный, так свободно мыслит и отвечает, — размягчено говорила она удивленной матери, которая приготовилась к привычному выслушиванию претензий. —

А с письмом... Ну что ж, подтянем... Подвижные дети, они, знаете ли, часто буквы пропускают...

Гришка, естественно, цвел и пах и восторженно орал прямо с порога по-домашнему уютного класса (обучалка арендовала под свои нужды четверть государственного садика):

— Мам, у меня сегодня две пятерки и три жетона!

Трехмесячный алиментный фокс души не чаял в подвижном хозяине и готов был бегать за ним хоть круглые сутки. На стену по моей просьбе был вывешен собственноручно написанный Гришкой режим дня и кормлений для собаки. (Гиперинамичным детям просто необходим режим дня. Это структурирует и организует не только их жизнь, но и их мышление. Но они обожают его нарушать и, как правило, преуспевают в этом. У родителей просто не хватает сил бороться еще и за режим.)

У Гришки никогда не было собственного режима дня. Теперь он жил по собачьему режиму. Опять же по моей просьбе правильная Антонина сдерживала себя и регулярно забывала покормить щенка, дать ему витамины, сварить овощи или кашу. Щенок плакал, Гришка впадал в бешеную ярость, а Антонина резонно возражала, что у нее и без щенка много дел по хозяйству, и если бы Гришка удосужился научиться понимать часы или хотя бы звонил по телефону и, сверившись с расписанием, сообщал ей, когда нужно делать то или это... Часы Гришка выучил за два дня (ранее над этим навыком безуспешно бились два года). Режим дня щенка перестал интересовать его через месяц (сам подросший щенок навсегда остался его самым верным другом), но за это время Гришка привык ориентироваться во времени и самостоятельно рассчитывать, когда должно произойти то или иное событие. Изредка он даже сам вспоминал о том, что для занятий в обучалке необходимо выполнить то или иное домашнее задание.

По средам Гришка ходил ко мне в поликлинику на коррекционные занятия, где мы с ним в течение получаса выполняли разные упражнения на развитие памяти и внимания. (За основу работы с Гришкой я взяла актерский тренинг на развитие внимания по Станиславскому.) Успехи тщательно заносились в разграфленную Антониной тетрадку и демонстрировались отцу и бабушке. Через три месяца занятий Гришка уверенно удерживал в зоне своего внимания восемь среднесложных предметов и в два раза улучшил начальные результаты по методике «корректурная проба».

А по выходным и в праздники Гришка с папой играли в «шпионов-кладоискателей». Игра была абсолютно авторской и являлась плодом нашего с папой совместного творчества. Играют в нее так. Сначала играющие отправляются «на местность», подозрительную относительно наличия там кладов, тщательно изучают ее и составляют подробный план в соответствии со всеми правилами картографии. Потом проверяется способность участников уверенно передвигаться по этому плану (так как поиск кладов — занятие опасное, и в случае чего промедление или неуверенность может очень дорого стоить). Затем проводится аналитическое обсуждение: если бы вы были бандитом или преступником, то куда бы вы спрятали клад именно на этой местности? Далее обследуются все подходящие места. Также полезным признается внимательная (и, разумеется, незаметная для объекта) слежка за всякими подозрительными личностями (они могут навести кладоискателей на след клада). В результате отыскивается клад или еще что-нибудь полезное.

Папа клялся, что в процессе игры Гришкина внимательность возрастает прямо как тесто на дрожжах. Я на своих занятиях с Гришкой ничего «дрожжевого» не наблюдала, но, надо думать, по степени интересности мои занятия не шли с поиском кладов ни в какое сравнение. Антонина, в свою очередь, говорила, что с «прогулок» за кладами муж и сын приходят одинаково грязные и не поймешь, кого ругать за это в первую очередь. Подрастающий фокс, естественно, принимал в поисках кладов деятельнейшее участие, многократно вступал в схватки с крысами и кошками, а однажды даже действительно отыскал не то потерянный, не то выброшенный кем-то бумажник с документами, которые папа с сыном торжественно сдали в ближайшее отделение милиции. (Как вы, наверное, уже догадались, остальные «клады» закладывались в соответствующие места Гришиным отцом.)

Деревенская бабушка, поглядев на все эти «городские выкрутасы и безобразия» и убедившись, что внук стал вроде бы более управляемым, а дочка откровенно повеселела, отбыла к изнемогающему под грузом крестьянских забот мужу. Напоследок троекратно облобызалась с зятем, пребывающим по поводу ее отъезда в нешуточно приподнятом настроении, и строго велела прощать ее, «коли что было не так».

— Что вы, что вы, Авдотья Прокопьевна! — искренне воскликнул зять. — Какие между нами счеты! Приезжайте, как надумаете, еще!

Сейчас Гришка учится в пятом классе. Особых школьных успехов за ним не водится, но только устойчивая тройка по русскому языку (все еще много ошибок, особенно в диктантах) портит вполне пристойный вид его табелей. Два раза в неделю он занимается в секции футбола, а по четвергам и выходным ходит в клуб спортивного ориентирования, в котором, благодаря хорошей базовой подготовке «кладоискателя», делает большие успехи. Недавно захотел играть на гитаре. Хотелось петь в лесу, у костра. И голос, и слух оказались вполне приличными. Купили гитару, нашли преподавателя. Прозанимался ровно месяц и бросил. Антонина начала было опять расстраиваться, но в конце концов изобретательный Гришка сам нашел выход из положения. Он подарил гитару старшему приятелю из секции ориентирования. Теперь приятель играет на гитаре, а поют они с Гришкой на воскресных лесных сборах вместе. Гришка говорит, что у них хорошо получается, громко. Предлагал показать, как они поют, но я почему-то отказалась. Может быть, зря.

Фото
В. Воронова

Злоключения русского языка в XX веке

«А вместо сердца — пламенный мотор...»

Мариэтта Чудакова

1.

В России дооктябрьской, конечно, были высокоавторитетные формы речи.

Во-первых, это было слово Священного Писания — недаром во время церковной службы, перед тем как начать читать фрагмент Евангелия, священник или дьякон предупредительно возглашал (и ныне возглашает): «Вонмем!» То есть — вслушаемся, внемлем!

Но всем было ясно, что это слово — для особых случаев, в особой ситуации, слово, удаленное от забот текущего дня.

Во-вторых, это был язык царских манифестов и рескриптов — торжественный, с очень ощутимой отдаленностью от языка всех слоев подданных. На исходе российской монархии он ощущался как искусственный. Двоюродный брат Александра Блока, писатель и издатель Георгий Петрович Блок, которому в год смерти императора Александра III было пять лет, вспоминает, как в октябре 1893 года «внезапно Петербург почернел» (многие здания затягивали черным сукном), «повсюду печальные надписи (поражали непонятные слова “в Бозе”)». Язык не очень понятный (царские манифесты толковались крестьянами вкривь и вкось), но от того не менее авторитетный.

В-третьих, язык воинских уставов — тоже не всем внятный, применимый лишь в специфических — армейских — условиях.

Вспомним рассказ Чехова «На святках». «Любезному нашему зятю Андрею Хрисанфычу и единственной нашей любимой дочери Ефимье Петровне с любовью низкий поклон и благословение родительское навеки нерушимо…» — выводит писарь под диктовку деревенской старухи. Но вот известные старухе начальные эпистолярные обороты речи иссякают, и она отчаивается: что же писать дальше? «— Чего и вам желаем от Господа… Царя небесного… — повторила она и заплакала.

Больше ничего она не могла сказать. А раньше, когда она по ночам думала, то ей казалось, что всего не поместить и в десяти письмах. С того времени, как уехали дочь с мужем, утекло в море много воды, старики жили, как сироты, и тяжко вздыхали по ночам, точно похоронили дочь. А сколько за это время было в деревне всяких происшествий, сколько свадеб, смертей. Какие были длинные зимы! Какие длинные ночи!»

Пока старуха думает о том, как бы «перевести» все это на неведомый ей язык письма, писарь, узнав, что зять старухи из солдат, и уже не слыша, что теперь он «у доктора в швейцарах», стал быстро писать.

«В настоящее время, — писал он, — как судьба ваша через себе определяла на Военое Попрыще, то мы Вам советуем заглянуть в Устав Дисцыплинарных Взысканий и Уголовных Законов Военнаго Ведомства, и Вы усмотрите в оном Законе цывилизацию Чинов Военаго Ведомства…»

И чем дальше пишет писарь, тем больше расширяется пропасть между совершенно условным текстом письма и тою «жизнью», которую хотела бы вместить в строки письма старуха.

«Он писал и прочитывал вслух написанное, а Василиса соображала о том, что надо бы написать, какая в прошлом году была нужда, не хватило хлеба даже до святок, пришлось продать корову. Надо бы попросить денег, надо бы написать, что старик часто похварывает и скоро, должно быть, отдаст богу душу… Но как выразить это на словах? Что сказать прежде и что после?» А из-под пера писаря, хорошо помнящего со времен солдатчины военный устав, катятся слова, не имеющие отношения ни к корове, ни к хвори старика, а сам старик, слушая письмо, «не понял, но доверчиво закивал головой.

— Ничего, гладко… — сказал он, — дай бог здоровья. Ничего…»

В-четвертых, язык судебных уложений. Его специальное, тоже локальное применение для всех было очевидно (хотя все при этом знали, что в России от тюрьмы да от сумы не зарекайся).

Не существовало и не могло существовать единой для всех авторитетной публичной речи, на которую обязаны были бы ориентироваться все говорящие и пишущие публично.

2.

Повторим: формирование единого *публичного* языка, письменного (языка газет) и устного — языка заурядных (партийных, комсомольских, профсоюзных, производственных, в том числе планерок, летучек и пятиминуток и всяких других) и торжественных собраний, — было сугубо советской новацией.

Широкая и даже широчайшая экспансия политической лексики в общественный быт сразу после Октября 1917 года завершилась к концу первого пореволюционного десятилетия формированием официальной публичной речи как *единственно* авторитетной. Слово «единственно» здесь особенно важно.

А всем ли была она понятна? Да в том-то и дело, что нет. Вспомним — публичные речи в дореволюционных судах, обращенные защитниками и обвинителями не к судьям — знатокам юридического языка, а именно к присяжным заседателям, где нередко преобладали «простые» люди, — были слушателям понятны. Иначе и быть не могло — как бы они тогда выносили свои вердикты?

После Октября этот публичный литературный, но общепонятный язык стремительно исчезал, заменяясь полупонятным и вовсе непонятным самым разным слоям общества.

Вторжение новой революционной риторики в прежнюю «адвокатскую» публичную речь началось, конечно, раньше — особенно бурно в короткое время между Февралем и Октябрем 1917 года. В рассказе писателя Николая Никандрова «Катаклизма», тогда же и написанном, довольно выразительно показано это половодье политической, в основном иноязычного происхождения, непонятной малообразованному большинству лексики, захлестнувшее уличные общественные ристалища.

«Лидеры поодиночке один за другим вырастают на высоком пьедестале рядом с фигурой Пушкина, охрипшими от крика голосами развертывают тут перед Москвой программы своих партий, яростно состязаются в знаниях, в красноречии, в смелости…

— …Аннексия!.. Федерализм!.. Мажоритарный!, — то и дело возносятся вверх <…> энергичные, хлесткие, эффектные на вид слова. — … Империализм!.. Квалификация!.. Референдум!.. Реванш!.. Абсентеизм!.. Абстрактно!.. Конфедерация!.. Маразм!.. Синекура!.. Секуляризация!.. Агрессивный!.. Конфликт!.. Центробежно!.. Анахронизм!.. Предпосылка!.. Дуализм!.. Laissez-passer… Диалектический!.. Периферия!.. Квиетизм!.. Сакраментальный!.. Катаклизма!.. Товарищи, рабочие и крестьяне, правильно я говорю?

Народ, пораженный неслыханной плавностью и, главное, безостановочностью речей ораторов, одинаково влюбленными глазами глядит на каждого из них и с одинаковым жаром души отвечает:

— Правильно!.. Правильно!»

3.

После Октября в процессе *ликбеза — ликвидации безграмотности*, где безграмотность угнездилась в самом названии кампании (потому что можно посредством кампании ликвидировать *неграмотность*, но вылечить таким путем от *безграмотности* — весьма затруднительно), рабочих и крестьян выучили читать газеты (Ленин никогда не скрывал, что граждан новой России учат грамоте в первую очередь ради этого). И тогда дело пошло покруче. Язык газеты был языком новой власти — его *нужно* было понимать.

Эту новую коллизию рано почувствовал Маяковский (хотя в конечном счете смотрел на нее с неоправданным оптимизмом).

Акуловкой получена газет связка.
Читают.
В буквы глаза втыкают.
Прочли:
— «Пуанкаре терпит фиаско».
Задумались:
Что это за «фиаска» за такая?
. . . . . .
— Слушай, Петь,
С «фиаской» востро держи ухо:
Даже Пуанкаре приходится его
терпеть.
Пуанкаре не потерпит
какой-нибудь клячи.
. . . . . .
А этого терпит.
Значит — богаче.
Американец, должно.
Понимаешь, дура?!

Непонимание перешло постепенно в низших слоях общество в недопонимание — и так и осталось в этом виде на долгие годы.

Что касается власти — ей очень скоро перестало требоваться адекватное *понимание* ее языка. Вперед выступили совсем другие задачи.

4.

«*Сплотить* ряды... еще теснее *сплотим* ряды... *сплотимся* вокруг ЦК КПСС...»

Старшие поколения — бабушки и дедушки нынешних школьников — не один десяток лет чуть ли не ежедневно встречали на газетных страницах эти выражения.

Они стали назойливо повторяться довольно рано — еще в 20-е годы. И об опасном речевом процессе еще тогда предупреждали люди, озабоченные состоянием родного языка.

«Следует избегать высокопарных выражений, напыщенных образов...“Стальными *сплоченными* колоннами пролетариат всего мира движется к коммунизму, отметая на своем пути все препятствия”. Это — омертвелые выражения. Они убивают то живое чувство, с которым, быть может, произносит их оратор. Если такое чувство есть, то оно заслоняется фразеологией, уже утратившей свою свежесть» (*Рожицын В.* Как выступать на собраниях с докладами и речами. 1928).

Но этим предупреждениям власть не вняла — теряя «живое чувство», она упорно омертвляла русский язык.

«Под руководством партии, при чутком и повседневном руководстве ЦК и неустанной поддержке и помощи товарища Сталина *сплотилась* вокруг советской власти и партии вся масса советских литераторов». (Речь секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году.)

«Коммунистические партии *сплачивает* великая цель освобождения рабочего класса от гнета капитала... они *сплачиваются* и укрепляют связи и сотрудничество между собой. Идейное *сплочение* и братская солидарность марксистских партий рабочего класса различных стран...». (Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий”, 30 июня 1956 года.)

«Обсуждение итогов XX съезда КПСС свидетельствует о силе, организованности и несокрушимой *сплоченности рядов* партии». (Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда». 16 июля 1956 года. Строго секретно.)

«...Сила советских коммунистов — в *сплоченности* их рядов». (Речь Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко на пленуме ЦК КПСС 13 февраля 1984 года.)

«...Долг коммунистов-ленинцев состоит в том, чтобы *еще теснее сплотить свои ряды... Тесно сплотившись* вокруг ленинского Центрального Комитета и его руководящего ядра,.. коммунисты, все советские люди с оптимизмом смотрят в будущее...» (Речь члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета министров СССР Н. А. Тихонова на пленуме ЦК КПСС 13 февраля 1984 года.) Это — речи людей власти после похорон генсека Ю. В. Андропова, в день выборов на пленуме ЦК КПСС нового генсека — К. У. Черненко, жизни которому в этом качестве отпущено будет всего год. Через десять лет филолог и телеведущий А. Архангельский напишет: «Державность коммунистическая... продолжала твердить заученное “еще теснее *сплотим ряды* вокруг родной коммунистической партии...” даже в тот момент, когда пора уже было читать отходную» (Известия, 18 октября 2004). Незадолго до этого излюбленное клише высмеет в рассказе «Зомбификация» писатель Виктор Пелевин: «Важнейшая роль, по оценке гаитянского антрополога Мишеля Лягера, отводится ритуалам, призванным «*сплотить ряды*» тайного общества, — это сборища, проводимые исключительно ночью (совсем как заседания Политбюро при Сталине)...»

5.

...Помните сцену в булгаковской пьесе «Иван Васильевич» — разговор квартирного вора Милославского с послом шведского короля через переводчика-дьяка?

«Дьяк. Он спрашивает — чего королю передать.

Милославский. Наш *пламенный привет.*

Бунша. Я не согласен королю *пламенные приветы* передавать. Меня общественность загрызет».

Тут — два взгляда на одно и то же словосочетание: для Милославского это междометие, мертвое клише, не имеющее ровно никакого значения. А для «бывшего князя» Бунши — часть советского строго регламентированного мира, ее надо применять только по назначению.

В 1922 году был сочинен бодрый «Авиамарш» (слова Павла Германа). Те, кто с энтузиазмом пели:

Нам разум дал стальные
руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный
мотор!

— они, пожалуй, тогда еще ощущали это пламя в груди.

Когда двадцать два года спустя в основополагающем журнале «Большевик» некие авторы вчетвером учиняют разгром повести Зощенко «Перед восходом солнца» и противопоставляют ей произведения, в которых все четверо «находили *пламенный* призыв к жизни и борьбе, непоколебимую веру в торжество нашего правого дела» (*Горшков В., Ваулин Г., Рутковская Л., Большаков П.* Об одной вредной повести) — то тут никакого пламени уже нет.

Проходит еще сорок долгих советских лет.

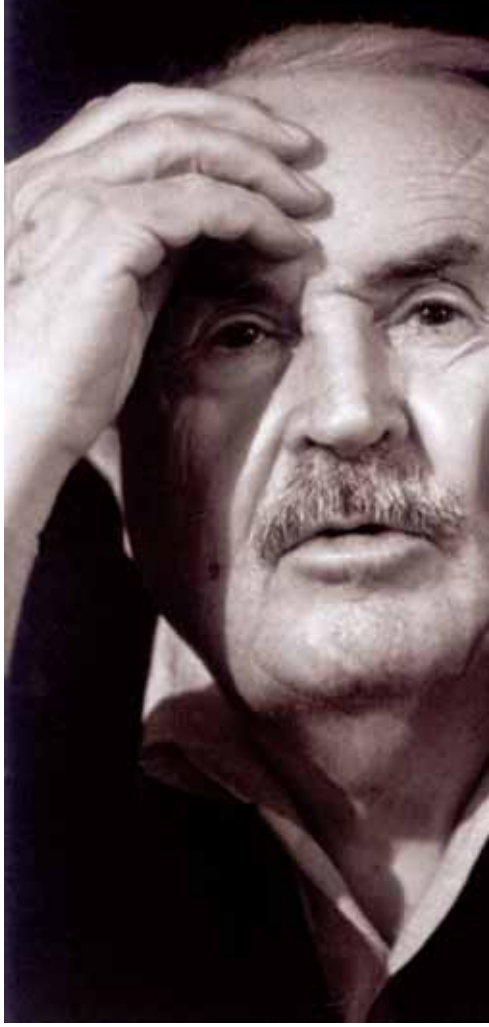
“Где бы ни трудился Константин Устинович, он всегда проявлял себя как <...> *пламенный* пропагандист марксистско-ленинских идей”. Это — из уже цитировавшейся речи Н. А.Тихонова о новом генсеке. Люди смотрят на телеэкран, видят старого и явно больного Черненко — и можно с уверенностью сказать, что в стране нет *ни одного* человека, который принимает слова о его *пламенности* всерьез.

Но тогда — к кому же и зачем они обращены?

К этому мы вернемся в одном из следующих номеров журнала.

«Там, где слышен кашель Бога»

Андрей Хржановский



Высоко в горах, «где слышен кашель Бога», живет великий итальянец Тонино Гуэрра.

В марте ему исполняется 90 лет. Весь мир знает Гуэрру прежде всего как выдающегося сценариста, автора сценариев к фильмам Феллини, Антониони, Тарковского, Ангелопулоса и других известных кинорежиссеров. Между тем Гуэрру часто называют Человеком Возрождения. И это справедливо: ведь он является также писателем, поэтом, художником, скульптором, дизайнером...

Вся Эмилия-Романья (область, где живет Тонино), не говоря про его родные города Сан-Арканджело и Пеннабилли (в первом он родился, во втором — обитает последние тридцать лет), постоянно испытывает на себе энергию преображения, которую Гуэрра источает с регулярностью и неотвратимостью солнца.

В свое время эти места осветили своим присутствием Джотто и Данте, а Пьеро делла Франческа родился в соседнем Сансеполькро. Нынче Гуэрра сам является реальным гением этих мест. Он чувствует себя ответственным за их состояние и неукоснительное процветание. А что можно сделать для этого? Можно отреставрировать и сделать обитаемой заброшенную церковь в горах. Можно пинетту близ Равенны — ту самую сосновую рощу, которую воспевал еще Данте, — увешать колокольчиками так, чтобы при порывах ветра роща оглашалась мелодичным звоном.

Фонтан «Ковер-самолет». Город Червиа

Можно соорудить фонтаны по всей округе. И не по какому-нибудь трафарету, а придумав оригинальный образ для каждого из них. Вот фонтан — улитка, взбирающаяся по склону вдоль лестницы, что ведет на очаровательную площадь в городке Санта Агата. Вот «Поющий тростник» в Торчелли. А вот мозаический ковер, который удерживают над поверхностью небольшого водного бассейна струи фонтана, а на ковре этом — конусообразные горки «соли», ибо именно соль, которую добывают в Червии, является символом этого городка на побережье Адриатики. Вот целый лес деревьев, опутанных рыбацкими сетями. Правда, деревья эти — из зеленого стекла. Таков фонтан в Риччьоне, и называется он «Лес воды».

А вот другой лес — «Лес подарков». Так называется магазинчик в Пеннабилли, который торгует изделиями, сделанными по эскизам Гуэрры. Каждый раз, заходя в него, я испытываю радость, смешанную с печалью. Печаль — из-за невозможности купить непременно все, что хотелось бы иметь на память. Чего здесь только нет! Керамика: блюда, кувшины, кружки самой причудливой формы... Скатерти, занавески, салфетки, абажуры, шкафы... Наконец, написанные Тонино и им же проиллюстрированные книги стихов и прозы, его пастели, акварели и коллажи.

После поездки по толстовским местам Гуэрра буквально заболел идеей создать собственные вариации на тему дорожного фонаря. Так родился целый цикл металлических скульптур, который Тонино посвятил памяти одного из своих российских друзей — Мстислава Ростроповича.

Многие дома в Пеннабилли и Сан-Арканджело украшены памятными эмалированными досками, на которых Тонино написал свои посвящения жителям этих домов. На одной из досок такая надпись: «Ты говоришь, что любишь цветы, и срываешь их. Ты говоришь, что любишь рыб, и ешь их. Когда ты говоришь, что любишь меня, я боюсь».

Тонино Гуэрра остается поэтом во всем, что бы он ни делал.

Познакомившись с Тарковским в ту пору, когда Андрей собирался снимать фильм по сценарию Гуэрры, Феллини спросил у русского коллеги: «Что тебя привлекает в этом авторе в первую очередь?» И Тарковский, не задумываясь, ответил: «Прежде всего, то, что он — поэт». «Я должен был сказать это раньше тебя», — заметил Феллини.

Заслуги Гуэрры признаны мировым кинематографическим сообществом. Однажды на заседании Европейской Академии киноискусства, которое проходило в Риме, Гуэрре должны были вручить почетный приз за вклад в европейское кино. Вела

торжественную церемонию великая французская актриса Жанна Моро. И она, и все участники, и те, кто вручал призы, и те, кто их получал, говорили по-английски.

Когда очередь дошла до Тонино, весь зал, приветствуя его, встал. А он, принимая награду, сказал по-русски:

— Спасибо.

И потом — по-итальянски:

— Я не понимаю, почему вы все говорите не на своих родных языках. И если уж надо говорить на каком-нибудь иностранном языке, я буду говорить по-русски...

За свою долгую жизнь в кино Гуэрра написал больше сотни сценариев. Но, произнося имя Гуэрры, мы рифмуем его прежде всего с именем Федерико Феллини.

Они родились на расстоянии нескольких километров и нескольких дней друг от друга в провинции Эмилия-Романья в 1920 году. Но сближало их не только это, и не только гениальная одаренность каждого. Но еще и общая память о детстве, которая так замечательно воплотилась в их совместной работе в фильме «Амаркорд». (Что в переводе с романьольского диалекта означает «Я вспоминаю».) И способность сохранить в себе на всю жизнь детское восприятие, безудержное воображение и страсть к игре как к форме человеческого поведения. Причем не только в кино.

Тонино рассказывал: «Однажды в Риме мы с Федерико заходим в дорогой магазин, который торгует модными галстуками. Я интересуюсь ценой одного из самых роскошных.

— 25 тысяч лир, — отвечает продавец.

Я:

— А вы можете сбросить цену? Я куплю этот галстук, если вы продадите мне его не дороже, чем за 12 тысяч.

Продавец раздраженно:

— Мы не делаем скидок.

— Он из деревни, а у них, у деревенских, принято торговаться, — вступается за меня Федерико.

— Ну, хорошо, если нельзя за 12 тысяч, я готов купить его за 18, — говорю я

— Я же вам сказал: 25.

— Это ваше последнее слово?

— Да, последнее.

— Ну, хорошо, я покупаю этот галстук, — протягиваю продавцу 30 тысяч.

Продавец заворачивает покупку, и мы быстро выходим из магазина. Продавец нагоняет нас уже за порогом:

— Вот сдача. Возьмите 5 тысяч сдачи.

— Не беспокойтесь, — обращается к нему Федерико — у них в деревне не принято брать сдачу».

Гуэрра — великий мастер диалога, а изобретательность его бывает столь простодушна, сколь изощренна. Некоторые его достижения я привожу в пример студентам, а когда нет под рукой студентов, пересказываю случайным слушателям.

Вот начало одного из фильмов по сценарию Гуэрры.

Немолодой мужчина (его играет Марчелло Мастроянни) садится в поезд. Его визави в купе — интересная дама чопорного вида. По всему видно, что мужчина жаждет общения, но не знает, чем вызвать на него спутницу. И тогда он обращается к даме: «Спросите меня, куда я еду?». Ошарашенная дама повторяет этот вопрос. «Я еду в Парму, — радостно отвечает ее попутчик. «А теперь спросите меня, к кому я еду?» — и так далее...

Когда мы только познакомились — а это было 35 лет назад — Тонино часто в середине беседы обращался ко мне:

— Спроси меня, о чем хочешь...

И если я, не имея подсказки на манер героя Мастроянни, испытывал секундное замешательство с вопросом, он спрашивал сам: «Какой итальянский фильм ты любишь больше всего?» — «Восемь с половиной».

Тогда он, почти без паузы:

— А ты любишь Брежнева?

— Ты считаешь, что между Феллини и Брежневым есть что-то общее?

— Браво, — выставляет мне оценку Тонино. — Над чем ты сейчас работаешь? Назови мне тему.

— «Пушкин и Кавказ».

— «Пушкин и Кафка?» Браво, — снова оживляется Тонино. — Что интересного случилось нынешней зимой?

— Были такие холода, что птицы замерзали на лету и падали замертво на снег.

— А что такое ледоход? Я собираюсь в Ленинград. Что можно слышать, когда по Неве идет лед?

— По части звука лучше меня тебе представит картину мой отец — ведь он, ты знаешь, профессиональный звукоимитатор...

Тонино обращается к отцу, и тот при помощи подручных средств — таких, как скомканный лист плотной бумаги, а также струя воздуха, выдуваемая сквозь сомкнутые зубы, — изображает потрескивание льдин, шум ветра и ледяной шуги...

А через год-другой я смотрю фильм братьев Тавиани по сценарию Гуэрры и вижу там такую сцену. Пастухи, застигнутые непогодой, вынуждены проводить ночь в лесу, у костра. И один из них говорит: «Я слышал

Тонино Гуэрра и Федерико Феллини

однажды, как трещали льдины во время ледохода на северной реке...» И проделывает на глазах у других пастухов (своих собратьев) то, что недавно проделывал мой отец перед изумленным Тонино...

Гуэрра может опоэтизировать любую вещь. Даже будильник без стрелок. У него есть рассказ про то, как нищий араб, не имеющий ничего, кроме такого будильника, каждый день приходит с ним на базар в надежде продать его. И каждый день к нему подходит старуха-бедуинка со своими раздумьями, не купить ли ей этот будильник: ведь если закрыть глаза, то в ночной тишине равномерное тиканье часов можно принять за стук чьего-то сердца...

С Гуэррой русских друзей познакомила жена Тонино — очаровательная и талантливая Лора. Когда они познакомились, она работала редактором на «Мосфильме». Свидетелями на их брачной церемонии были Андрей Тарковский и Микеланджело Антониони. Лора подарила Гуэрре то, что стало неотъемлемой частью его жизни — Россию, а нам всем — дружбу с Тонино, которая длится более 30 лет.

Мне посчастливилось не только снять два фильма по сценариям Тонино, но и много путешествовать в его обществе.

Мы бывали вместе, и не раз, в Петербурге и его пригородах, бывали в Одессе, Киеве, Вологде, Кириллове, Ферапонтове. Путешествовать в обществе Тонино — это отдельная радость.

Во-первых, от общения, которое в дороге приобретает особую прелесть, — так же, как жареный цыпленок, съеденный на квадратном столике в купе поезда, почему-то кажется вкуснее того же цыпленка, съеденного в лучшем грузинском ресторане.

Во-вторых, оттого, что ты становишься невольным свидетелем и в некотором смысле соучастником того творческого процесса, в котором непрерывно пребывает Гуэрра.

Ну а в-третьих, тебе удается порой подсмотреть технологию этого процесса.

Однажды украинские пограничники, не удовлетворенные тем, как были оформлены документы Гуэрры, предложили ему вместе с женой сойти с поезда Москва—Киев в пограничном пункте — Конотопе.

Я, разумеется, сошел с поезда вместе с ними.

Мы оказались в караулке, похожей на полицейский участок из пьесы «Смерть Тарелкина». На мгновение я выпустил из вида Тонино. Не обнаружив его в караулке, я вышел наружу и застал такую картину.

Тонино стоит недалеко от караульной будки и, указывая на одинокую рябину, снимает допрос с пограничника. «Коме си кьямо квесто пьянте?» — спрашивает он. Застигнутый врасплох такой постановкой вопроса, пограничник отвечает сначала с индифферентной дикцией, а затем, после повторных: «Как?» — по складам: «Ря-би-на»...

— А это? — продолжает допрос Тонино уже по-русски, указывая на кирпичное здание фабричного типа за железнодорожным полотном.

— Это секретный объект, — говорит, уже обращаясь ко мне, пограничник. Он, кажется, готов извиниться перед любознательным итальянцем, который заносит все его ответы в записную книжку — с ней Тонино никогда не расстается.

«Машина ассоциаций» Гуэрры всегда в действии. Вот мы едем в поезде «Москва—Одесса». Тонино направляется в конец вагона, где находится туалет. Возвращаясь, обращается ко мне: «Ты видел когда-нибудь электрический стул?..»

Слева: Тонино рыбачит на Неве

Я мог бы еще многое рассказать об этом великом поэте и великом человеке. Но будет, должно быть, правильно, если я уступлю место юбиляру, — пусть читатель услышит его голос не в моем пересказе.

Вот несколько его образов.

«...Все буквы, которые в прошлом слагали на крышах коммунистические лозунги, теперь упали на фасады домов, чтобы обозначить названия банков и слова реклам...»

«Подходя к Зимнему дворцу, слышу за спиной шум быстрых шагов и на мгновение вспоминаю о большевиках, которые в 17-м наспех пересекли площадь и свергли правительство. Но это спешили американцы: начался дождь, и они были покрыты легкими накидками из пластика, которые делали их похожими на коконы».

«Страх — друг телевизоров и семейного эгоизма. Едим мясо вместе с изображением, в то время как голос, выходящий из бездушного механизма, заполняет собою молчание, царящее между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми. Надо бы вернуться туда, где слово вновь возвращено нашим детям и образы зреют в нашей фантазии».

Звучащие сказки

Ксения Иванова

У многих дошкольников в той или иной степени отмечается общее недоразвитие речи. Справиться с ним — задача, конечно, специалистов-логопедов. Но и родители могут немало сделать. Мы предлагаем им привлечь на помощь сказки, специально приспособленные для этой цели. Такие сказки призваны тренировать артикуляцию ребенка, закреплять те или иные звуки речи. Они помогут также расширить его словарный запас, вводить новые глаголы, существительные, прилагательные. При этом обогащаются представления ребенка об окружающем, развиваются его восприятие, память, мышление. Он учится пересказывать услышанное. Развиваются творческие способности ребенка. Его можно попросить, чтобы он рассказал сказку по-своему: изменив время действия, от первого лица или от лица другого персонажа, с иным концом, с новыми героями. И еще: работа со сказками укрепит веру ребенка в свои возможности, снимет отрицательные переживания, связанные с речевыми погрешностями.

Лесная колыбельная

«Что за день сегодня? — причитала мама ежиха. — Мой сынок все время плачет! Никак не могу его успокоить. Есть не хочет, спать не хочет, гулять — тоже не хочет! Что же, что же делать?..»

Лисенок Рыжуля вылез из норы и сладко потянулся. Все вокруг казалось обычным: и лес, и знакомая тропинка, и маленький ручеек, журчащий в овражке. «Что-то все-таки не так, — подумал Рыжуля. — Пойду, разведаю».

Он быстро побежал по тропинке, подпрыгивая и напевая. На большом камне, нагретом летним солнцем, грелся серебристый ужик. Рыжуля собрался было бежать дальше, но остановился: «Он всегда шипит, когда видит меня, а сегодня даже не поднял свою головку...» Лисенок потянулся лапкой к камню:

— Эй, что с тобой?

Ужик приподнялся, но знакомого «Ш-ш-ш» не было.

— Ну и что же ты молчишь, где твое «Ш-ш-ш»? — спросил Рыжуля.

— Не знаю, — грустно ответил ужик. — Утром я шипел на резвящихся в траве зайчат, днем на медвежонка — он чуть не наступил на меня. Потом я пригрелся на камне и вот «Ш-ш-ш» пропало ...

«Попробую найти», — решил Рыжуля и побежал дальше. Вот впереди березовая роща, там пенек и прохлада. Лисенок поднял мордочку, листья берез играли с солнечными лучиками, пришлось даже слегка зажмурить глаза. «Но почему так тихо? Где же шелест березкиных листьев шепот ветерка?»

— Березы, в тишине играть неинтересно! — крикнул Рыжуля. — Где ваше «Ш-ш-ш»?

Тишина... «Нет, так дело не пойдет, так невеселая игра получается. — Придется и их «Ш-ш-ш» искать».

За березовой рощей земляничная поляна, а на ней под кочкой тетушка Мышь живет. «Отправлюсь к ней, — решил лисенок. — Она все лесные новости знает!» Он подбежал к норке, в которой обычно шуршала мышь, и прислушался. Никакого шуршания, никакого шебуршания — тишина. Где же наше лесное «Ш-ш-ш»?

И вдруг издалека донеслось «Ш-ш-ш», но не громкое, а тихое, убаюкивающее. Рыжуля осторожно пошел на звук. Звук проникал сквозь травинки, которые покачивались в такт ему: «Ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш, ш-ш-ш». Под еловыми ветвями, у самой земли, мама ежиха укачивала своего малютку: «Ш-ш-ш». И в этом звуке лисенок узнал и шипение ужика, и шелест березкиных листьев, и шуршание тетушки Мыши. А непоседа ежонок посапывал своим черненьким носиком. Его глазки-бусинки были крепко закрыты.

Ежиха увидела Рыжулю:

— Что тебе, малыш? Пожалуйста, не разбуди моего сыночка.

— Тетушка Ежиха, не могли бы вы отдать наше «Ш-ш-ш»? Без него в лесу пусто... А ваш ежонок уже спит, вы его укачали.

— Конечно, конечно, я никак не могла его успокоить. Мне так нужна была эта лесная колыбельная! Не забудь поблагодарить от меня ужика, березки и мышку.

Вот такой денек выдался у Рыжули... Засыпая вечером в своей норе, он слушал тихую лесную колыбельную: «Ш-ш-ш».

После того как ребенок внимательно послушал сказку, попросите его вот о чем:

Повтори звук, который искал лисенок. Произнеси его по-разному (как уж, как березка, как мышка, как ежиха), меняя интонацию и громкость голоса.

Вспомни слова, связанные с этим звуком (шуршать, шипеть, шелестеть, шуметь).

Придумай свою лесную колыбельную. Какие еще звуки могли бы наполнить ее?

Придумай свою лесную «будилочку». Какие звуки разбудят Рыжулю и ежонка? Почему?

Придумай свое продолжение сказки. Кому еще могло понадобиться «Ш-ш-ш»?

Перескажи сказку. Разыграй ее по ролям с друзьями.

Когда *они* уходят из дома

Роза Хуснутдинова

История первая
Принцесса стрекоз

Бабушка привезла Элю к ее родителям на выходные. Когда бабушка уехала, Эля переоделась в белое шелковое платье с блестками, с крылышками из прозрачного газа на спине, надела на голову корону из золоченой бумаги и вылетела в комнату, где были родители. Мама говорила с кем-то по телефону, папа искал что-то в компьютере.

— А вот и я! — радостно сказала Эля. — Я соскучилась! Мама, папа, я — Принцесса стрекоз!

— Бабушка сшила тебе этот балахон? — спросила мама.

— Да, бабушка сказала, что на елке я буду Принцессой стрекоз, я буду танцевать вот так!

И Эля грациозно закружилась по комнате, ступая ножками в белых чулках по блестящему паркету. В белом воздушном платье она походила сейчас на маленькую принцессу, фею, Герду из сказки «Снежная Королева».

Мама продолжала говорить по телефону, папа перебирал клавиши компьютера, не отрываясь, смотрел на экран.

— Я могу ласточку делать!

Эля подняла одну ножку, раскинула руки в стороны и стала похожа на летящую ласточку.

— Надень тапочки, а то простудишься, придется сидеть с тобой на больничном, а я не могу себе этого позволить, — сказала мама.

— Я могу делать шпагат! — и Эля растянулась на полу, сделав почти полный шпагат.

Родители продолжали заниматься своими делами.

— Я у бабушки ела суп, кашу, котлеты, не капризничала, — сказала Эля, сидя на полу и жалобно глядя на родителей.

Ответа не было.

— Когда я пойду в школу, я буду хорошо учиться, — произнесла Эля.

— Я буду всегда слушаться вас...

— Я не буду бояться собак, пьяных...

— Я не буду громко разговаривать, чтобы не мешать вам...

Мама продолжала говорить по телефону, папина спина выражала безразличие.

— Бабушка сказала, что ты, мама, меня очень любишь! — сказала Эля.

На глазах у нее появились слезы.

— Бабушка сказала, что и ты, папа, меня любишь! — выкрикнула Эля. — Она сказала: «Они много работают, им некогда, поэтому ты живешь у меня!»

— Мама, папа, я люблю вас, — прошептала она в отчаянии.

Никто не ответил Эле, не посмотрел в ее сторону. Мама ушла на кухню, папа, не отрываясь, смотрел на экран компьютера, на котором мелькали цифры.

— А вдруг я стану Принцессой стрекоз и улечу от вас навсегда? — шепотом спросила Эля. — Что вы будете тогда делать?

Ответом была тишина.

И тогда Эля — маленькая девочка с черными шелковистыми волосами до плеч, с грустными глазами на бледном красивом личике — поднялась с пола, подошла к окну, подпрыгнула и маленькой серебристой стрекозой вылетела в форточку окна, закружилась в вихре снежинок, исчезла из виду.

Больше родители никогда не видели Элю.

История вторая

Чтобы не разлучаться

Верочка и Костик сидели в своей комнате. Верочка играла с плюшевой обезьянкой, Костик катал паровозик по рельсам игрушечной железной дороги.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, там разговаривали родители.

— Будем вести себя как цивилизованные люди, — сказала мама. — Без скандалов и выяснений отношений. Ты согласен?

— Да, — вздохнул папа.

— Эту квартиру мы можем разделить на две однокомнатные, — сказала мама.

— Неизвестно, в каком районе окажешься, — возразил папа. — Здесь-то мы живем в центре, рядом с метро.

Костик обернулся к Верочке, прижал палец к губам, прошептал:

— Кажется, мы больше не будем жить в этом доме. Они разводятся.

Верочка испуганно смотрела на брата. Костик приоткрыл дверь шире.

— Машину можешь оставить себе, дача будет за мной, — сказала мама.

— Но у твоего Филиппа, кажется, уже есть дача, — возразил папа.

— Это дача его матери, а мне хочется жить на собственной даче, ни от кого не зависеть, не спрашивать, что мне сажать, цветы или капусту. Насколько я знаю, у твоей Наташи тоже есть дача.

— Это развалюха, — сказал папа. — Там надо заново все перестраивать.

— Вот и перестроишь. На нашей даче ты и крышу не мог починить. Пожалуйста, не кричи, давай будем вести себя как цивилизованные люди. Мебель можешь забрать себе, только мамин шкаф я заберу с собой, все-таки старинная вещь, память. И компьютер заберу, мне он нужен для работы.

— У тебя на работе есть компьютер, а у меня на работе — нет, мне он нужнее.

— Не надо кричать, — сказала мама.

— Я не кричу, просто излагаю факты.

— Они делят вещи, — сказал Костик. — Мама хочет забрать бабушкин шкаф и компьютер. А папа хочет оставить компьютер себе.

— Что будем делать с детьми? — спросил папа.

Мама вздохнула:

— Я возьму к себе Костика, а ты Верочку.

— Но я бы хотел видеть и Костика, — сказал папа.

— Будешь забирать его на выходные. А Верочку привозить ко мне.

— А если мы будем жить в разных районах? — возразил папа. — Если учесть, какие сейчас пробки на дорогах...

— Не преувеличивай, — сказала мама. — И, пожалуйста, не кричи. Будем вести себя как цивилизованные люди.

— Они хотят нас разлучить, — сообщил Костик Верочке. — Ты будешь жить с папой, а я с мамой.

— Разлучить? — Верочка широко раскрытыми глазами смотрела на брата. — Но я не хочу!

— И я не хочу, — сказал Костик.

— Значит, мы не будем больше видеться? — Верочка жалобно смотрела на брата.

— Будем видеться по воскресеньям. Папа будет забирать тебя у мамы и привозить в свой дом. А меня будет оставлять у мамы.

— Я так не хочу! — заплакала Верочка. — Я не хочу с тобой разлучаться!

— И я не хочу! — ответил Костик. — Но они все равно сделают по-своему.

На край форточки со двора залетели два воробья. Посидели рядышком, весело попискивая и с любопытством оглядывая комнату, в которой сидели дети. Потом одновременно взлетели, добрались до березы, стоящей во дворе, и уселись на ветке, опять рядышком.

— А давай станем как они? — кивнула Верочка на воробьев. — Чтобы не разлучаться, быть всегда вместе?

Когда через полчаса родители вошли в детскую, чтобы сообщить Верочке и Костику, что у них начинается новая жизнь, они никого в комнате не обнаружили. Лишь на краю форточки сидели два взъерошенных воробья и, покачивая головками, укоризненно смотрели на них.

История третья
Ушёл в кругосветку

Когда Дима проснулся, в комнате было уже светло. Розовые блики восходящего солнца играли на белых в полоску стенах комнаты. Над Диминым диваном со стены, с фотографий улыбались Федор Конюхов на рассекающей море яхте, Евгений Шпаро с товарищами среди арктических снегов, мужественный Тур Хейердал с Юрием Сенкевичем — они стояли на палубе парусника. Эти фотографии Дима вырезал из журнала «Вокруг света». На тумбочке возле дивана лежали компас, бинокль, перочинный ножик, камешки с берега Черного моря и перо павлина, которое Дима выпросил в зоопарке.

Дима поднялся и открыл форточку. Ворвался свежий ветер. За окном пахло весной и дальними странствиями. На тополе распустились листочки. Возле машин, припаркованных у забора, прогуливалась кошка. Вот она подняла мордочку и, мечтательно прищурившись, понюхала воздух. Выгнула спину и легкими грациозными прыжками помчалась в сторону сквера.

Захотелось отправиться в путь. Куда-нибудь далеко-далеко. Из спальни родителей послышались голоса. Видимо, они тоже проснулись.

— Может, отдать его со следующего года в математическую школу? — сказал отец. — Будет лучше разбираться в математике, в цифрах. Вон сын Леонида Петровича — на всех олимпиадах призы получает! Леонид Петрович рассказывал: «Спросишь у Вадика, сколько будет три процента от семисот двадцати восьми тысяч, — тут же ответ! Все считает в уме! Будущее обеспечено! Конечно, он станет работать в каком-нибудь крупном банке, как его отец! Конечно, когда окончит школу и институт, финансовый или экономический. Если бы Димка имел такие способности, он тоже мог бы стать банковским работником, как я.

— Щас, — буркнул Дима. — Разбежался! А как же Камчатка и вулканы?

— Ну, он же еще в школе учится, ему всего двенадцать! — возразила мама. — Я вот думаю, что ему подарить на день рождения? Ему ведь не угодишь. В прошлом году подарила ему чудную копилку, а он говорит: «Мам, зачем мне эта свинья?» И задвинул в угол шкафа. Так ничего и не положил в нее. Правда, копилка в виде свиньи, может, не современно, сейчас тьма разных игрушек! Вот видела недавно в магазине игрушечный домик, нарядный такой, а на нем золотыми буковками написано «Банк». Может, его подарить?

— Щас, — покачал головой Дима. — Банкиром хотят сделать, удавиться. А как же Галапагосские острова? А Остров Сокровищ? А восхождение на Эльбрус? А кругосветка на яхте под парусом?

— Если бы он научился банковскому делу, — продолжал папа, — можно было бы открыть филиал банка, назвать его «Элитный» или «Супербанк», сделать Диму управляющим этого филиала, научить его искать сотрудничество с иностранными банками, наращивать потенциал, менять процентную ставку в зависимости от конъюнктуры, получать дотации от правительства во время кризисов, много чего можно было бы добиться!

— Пора рвать когти, — прошептал Дима.

Он вытащил из-под дивана рюкзак, затолкал в него шерстяной свитер, брюки, компас, ножик, фотоаппарат, подаренный бабушкой, коробку спичек, шоколадку, еще кое-что из мелочей и двинулся через коридор к выходной двери. Щелкнул замок, и в доме все стихло.

— Знаешь, мне показалось, что по коридору сейчас кто-то прошел, — сказала мама. — Кто-то лохматый, бородатый, с рюкзаком за спиной. Похожий на этого... как его? Его фотография комнате Димы висит...Федор Конюхов!

— Откуда взяться тут Федору Конюхову, подумай сама! — ответил папа.

Но потом помолчал и сказал:

— Вообще-то я тоже слышал, как хлопнула дверь.

Родители поднялись, обошли всю квартиру, заглянули в комнату Димы. Они там никого не обнаружили. На столе лежала записка. «Ушел в кругосветку. Дима».

Иллюстрация
В. Дмитрюка и С. Шведова

Первая косметика

Помню, как лет в пять или шесть я с ног до головы измазалась маминой помадой. Досталось и зеркалу в прихожей: на нем я нарисовала веселое солнышко и цветочек. Получилось просто загляденье, как мне тогда казалось. В довершение я завернулась в белое покрывало и торжественно заявила: «Я — невеста в фате!» А мама, увидев художества как на зеркале, так и на моем лице, буквально остолбенела. Тогда я впервые поняла: «Да, красота — это страшная сила!»

Так же думают многие девочки. И неважно, сколько тебе лет: шесть или шестнадцать. При любой возможности девочке хочется почувствовать себя настоящей принцессой, даже если вместо сказочного платья придется обмотаться тюлем, а глаза неровно подвести тенями старшей сестры. И если в подростковом возрасте девчонки уже сами в состоянии подобрать себе косметику, то маленьким фантазеркам стоит в этом деле помочь.

Но зачем это нужно — давать малышке взрослую косметику, когда ей не о помадах, а о куклах думать надо? — возразят некоторые родители. И будут во многом правы. Действительно, маленьким девочкам нельзя пользоваться косметикой для зрелых женщин. В духах и тенях для взрослых слишком много разных добавок и консервантов, которые помогают косметике дольше храниться. Эти ингредиенты безопасны для людей, которые перешагнули рубеж совершеннолетия, но для детской кожи взрослая косметика не подходит.

Конечно же это не значит, что маленькая чаровница должна дожидаться восемнадцатилетия. Да и не согласится она на это и все равно втайне от вас будет «мазюкаться»: возможно, одолжив тушь и помаду у подруги. А использование чужой косметики может привести к кожным или глазным заболеваниям. Не спешите отказывать дочери в праве на красоту, лучше пойдите вместе в магазин и купите качественную *детскую* косметику. Маленькая модница будет в восторге, а вам не придется волноваться, что она красится неизвестно чем.

Выбирая детскую косметику, обратите внимание на:

Срок годности. Не покупайте косметику со слишком большим сроком хранения: возможно, там много консервантов. Лучше выберите тот набор, срок службы которого — не больше года.

Наличие натуральных ингредиентов. Ромашка, роза, шалфей, мята — все эти травы и цветы не только приятно пахнут, но и заботятся о нежной детской коже. Такая косметика хорошо питает и смягчает кожу, что особенно полезно в холодное время года.

Адрес и логотип фирмы-производителя. Если адрес не указан или название марки плохо пропечатано — стоит отказаться от покупки. Возможно, это подделка!

Наличие резких запахов и слишком ярких цветов. Излишне броские оттенки и бьющие в нос ароматы могут свидетельствовать о том, что производитель перестарался с ненатуральными добавками. Это не только вредно для кожи ребенка, но и может вызвать головную боль.

Сочетаемость с другими видами детской косметики. Осведомитесь об этом у продавца-консультанта. Иначе блеск для губ одной фирмы не сможет лечь ровным слоем на гигиеническую помаду другой, да и аллергическая реакция не исключена.

Упаковку. Она должна быть плотной, в идеале — не пропускающей солнечный свет. Не берите детский косметический набор с витрины, пусть продавец вам достанет его из коробки, которая лежит вдали от источников тепла и яркого освещения.

Присутствие в наборе средств по уходу за кожей. Детский крем, гель для умывания, жидкое мыло пригодятся девочке не только для игр, но и для повседневной гигиены.

Самые распространенные ошибки при покупке косметики для девочек:

Елена: *«Недавно на день рождения купила дочке огромную «коробку красоты»! Чего там только не было: и пудра, и блеск для тела, и несколько видов помады... В итоге* ***косметики было слишком много,*** *и дочка просто не успела использовать всю до истечения срока годности».*

Александр: *«Успешное окончившей первый класс племяннице решил подарить модный набор.* ***Выбрал, не спросив мнения девочки,*** *самый яркий. Но племяшке он совершенно не понравился. Там была ядовито-розовая помада, слишком темный лак для ногтей, а крем как-то странно пах (видимо, был несвежим). Подарок принес не радость, а расстройство».*

Светлана: *«Недавно мне захотелось порадовать своих восьмилетних близняшек, и я* ***купила дочкам одинаковые коробки с косметикой.*** *Прошло несколько недель, один набор израсходован ими обеими, а другой пылится на полке. Они до сих пор не поняли, зачем им две одинаковые вещи...»*

Мария: *«Теперь я точно знаю, что* ***приобрести набор косметики с хрупким бьющимся зеркальцем*** *— значит рискнуть здоровьем ребенка. Дочка носилась с помадой и зеркалом по всему дому, где-то уронила его, а потом наступила на осколки ножкой и порезалась. Пришлось искать зеркало надежнее — из пластика, покрытого блестящей фольгой».*

Илья: *«Однажды мы на родительском собрании решили купить девочкам к Восьмому марта сумочки с тенями и духами. Но, когда закупили несколько наборов,* ***забыли проверить, плотно ли держатся крышки флаконов.*** *Наборы несколько дней пролежали в шкафу классной комнаты, и аромат духов выветрился. К счастью, за день до праздника одна мама это заметила, и мы успели купить новые подарки — плюшевых мишек и зайцев».*

Следуя этим несложным предостережениям и советам, вы сможете выбрать именно ту детскую косметику, которая порадует и юную красавицу, и вас самих.

Елена Большакова

Из весенних и летних растений

Весной, в апреле–июне, лучшее средство от слабости, нарушения сна и аппетита, раздражительности, утомляемости, головокружения — блюда из первых весенних и летних растений.

Салат из лопуха

60 г листьев лопуха, 12 г тертого хрена, 20 г зеленого лука, 8 г сметаны, соль.

Перебранные и промытые листья лопуха положить на 1–2 минуты в кипящую воду, откинуть на дуршлаг, дать стечь воде, мелко нашинковать. Перемешать с шинкованным зеленым луком, тертым хреном, сметаной, посолить.

Салат из крапивы

100 г крапивы, половина яйца, 10 г салатной заправки, соль.
На 100 г заправки — 50 г масла, 50 г уксуса, 2 г соли, 4 г сахара, 0,2 г перца.

Промытые листья крапивы положить в кипящую воду, кипятить 5 минут, откинуть на дуршлаг, дать воде стечь, мелко нарезать, добавить мелко нарубленное вареное яйцо, заправить салатной заправкой, посолить. Заправку готовят, перемешивая растительное масло, 3-процентный уксус, соль, сахар, молотый черный перец.

Крапива, щавель, зеленый лук

50 г крапивы, 20 г щавеля, 20 г подорожника, 10 г листьев одуванчика, 15 г зеленого лука, половина яйца, 10 г редиса, 20 г майонеза, соль.

Подготовленную зелень измельчить в мясорубке. Полученную массу перемешать с мелкорубленным вареным яйцом, заправить майонезом, выложить в салатник горкой. Украсить кружочками редиса и дольками вареного яйца.

Крапива с зеленью укропа и петрушки

По 20 г крапивы, щавеля, зелени петрушки и укропа, зеленого лука, 2 г чеснока, 8 г растительного масла, соль.

Перебрать листья крапивы, промыть и мелко нарезать зелень, добавить измельченный чеснок, посолить, заправить растительным маслом.

Салат из крапивы с орехами

40 г крапивы, 25 г ядер грецких орехов, 25 г репчатого лука, 15 г кинзы, соль, перец.

Листья крапивы положить на 3 минуты в кипящую подсоленную воду (2 л), откинуть на дуршлаг, дать воде стечь, мелко нарезать. Ядра грецких орехов истолочь с солью. Добавить мелко нарезанные репчатый лук и кинзу. Все перемешать, посолить и поперчить по вкусу. Если полученная масса густая, ее можно развести отваром крапивы.

Салат из листьев одуванчика со сметаной

75 г листьев одуванчика, 10 г сметаны, 3 г лимонного сока, 5 г тертого хрена, половина яйца, соль.

Молодые листья одуванчика замачивать в соленой воде (20 г соли на 1 л воды) в течение 30 минут, затем откинуть на дуршлаг, дать воде стечь, нашинковать. Добавить тертый хрен, сметану с лимонным соком, посолить, перемешать и посыпать мелко рубленным вареным яйцом.

Весенний бриз

Помидоры — 1 часть, крабовые палочки — 1 часть, твердый сыр — 1,5–2 части, зубчик чеснока, майонез, зелень.

Помидоры, крабовые палочки нарезать кубиками, сыр и чеснок натереть на терке, заправить майонезом. Солить не нужно.

Рисовый пудинг

250 г смеси весенних овощей, 2 чайные ложки оливкового масла, 1 нарезанная луковица средней величины, полтора стакана риса, половина чайной ложки молотой куркумы, 2 с половиной стакана овощного отвара, 3 столовые ложки нарезанной свежей петрушки, соль и черный перец, 2 столовые ложки тертого сыра.

Мелкие овощи оставить целыми, не резать. Нагреть масло в сковородке с тефлоновым покрытием и обжарить лук до золотистого цвета. Смешать с луком рис и жарить 1–2 минуты. Добавить куркуму, овощной бульон и специи. Довести до кипения и вложить овощи. Довести до кипения, накрыть крышкой и тушить на медленном огне, время от времени помешивая, в течение 20 минут, пока рис не станет мягким, а большая часть жидкости не испарится. При необходимости добавить еще отвара. Добавить петрушку и посолить по вкусу. Подавать в горячем виде, слегка посыпав сыром.

Салат из рыбы

300 г жареной рыбы, 1–2 свежих огурца или томата, 1 пучок редиса (100 г), 100 г зеленого салата или шпината, стакан майонеза, укроп или зеленый лук.

Жареную рыбу освободить от костей. Все ингредиенты нарезать на мелкие кусочки, зеленый салат измельчить. Выложить на блюдо или в салатник слоями, залить майонезом и посыпать мелко нарезанной зеленью.

Весенний суп

400 г шпината, 4 больших листа черемши, 100 г лука-шалота, 40 г сливочного масла, 500 мл куриного бульона, 250 г рассыпчатого картофеля, соль, перец, тертый мускатный орех, 2 столовые ложки густой сметаны или вареное яйцо.

Листья крапивы обдать кипятком. Черемшу нарезать соломкой. Лук-шалот нарезать кубиками, обжарить до прозрачности. Добавить половину листьев крапивы, немного потушить. Залить бульоном и довести до кипения. Картофель порезать кубиками, вложить в бульон и варить 20 минут. Добавить оставшиеся крапивные листья. Суп приправить, добавить сметану.

Весенняя запеканка

500 г щавеля, пучок зелени петрушки, половина стакана риса, 2 стакана молока, 2 столовые ложки сухарей, 5 яиц.

Вымыть и нарезать щавель, добавить крупно нарезанную зелень петрушки. Посолить, припустить на среднем огне в течение 5–6 минут. Откинуть на дуршлаг, отжать и мелко порезать. Сварить рис на молоке, охладить и смешать с пюре из зелени. Добавить сухари и желтки яиц. Массу хорошо размешать. В конце ввести взбитые в пену белки и слегка перемешать. Массу выпекать в смазанной маслом и посыпанной сухарями форме.

Эти игры на свежем воздухе читателям покажутся, конечно, знакомыми. Но наверняка многими они забыты. Напомним о них.

Весна. Во двор! Побегаем, попрыгаем

Ручеек

Играющие разбиваются на пары. Кому-то пары не хватило, и он должен раздобыть ее . Пары становятся одна за другой, играющие поднимают вверх сцепленные руки — получается своего рода коридор. Пройдя по нему, оставшийся без пары сможет ее себе выбрать. Эта новая пара пробирается в конец коридора, а тот, кого пары лишили, должен теперь искать ее. И так снова и снова — словно ручеек течет.

Прятки

Водящий стоит возле, скажем, дерева. Закрыв глаза (не подглядывать!), начинает медленно считать, скажем, до ста. Пока он считает, остальные прячутся кто куда. Наконец водящий выкрикивает «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват!» и принимается искать спрятавшихся. Обнаружив кого-то, он должен успеть назвать его имя, подбежав к дереву и коснувшись его. Мало-помалу все найденные собираются у дерева. В ходе игры перепрятываться уже нельзя, но можно неожиданно выскочить из укрытия и попытаться, опередив водящего, подбежать к дереву и «выручить» себя и других. Тогда водящий остается прежним. А если более удачливым окажется он, водить будет тот, кого нашли первым (или последним — как условились вначале).

Двенадцать палочек

Это разновидность пряток. Перед началом игры двенадцать палочек помещают на дощечку, лежащую на камне. Одним концом она упирается в землю (на нем и находятся палочки), а другой ее конец приподнят. Если по этому концу ударить ногой, палочки разлетятся. Играющие в это время разбегаются и прячутся. Водящий отправляется их искать только после того, как соберет все палочки и снова уложит их на дощечку. Один из спрятавшихся старается незаметно подобраться к дощечке и ударом ноги вновь их разбросать. Тогда водящий должен вернуться, собрать палочки и только после этого продолжить поиски. А те, кого он уже нашел, могут прятаться снова.

Цепи

Играющие делятся на две равные команды. Команды выстраиваются в цепочку, берутся за руки и расходятся так, чтобы между цепочками было расстояние в несколько метров. Заранее договариваются, кто будет начинать игру.

Игроки начинающей игру команды, не расцепляя рук, делают несколько шагов навстречу другой команде и кричат: «Цепи, цепи кованы, кем вы не раскованы?» Затем они возвращаются на свое место. Их противники, посоветовавшись, называют имя одного из игроков первой команды. Тот с разбегу врезается в цепь второй команды, стараясь ее разорвать.

Если это у него получилось, он забирает в свою команду того, кто оказался справа от него. А его команда сохраняет право разбивать цепь. Если же у него ничего не вышло, он сам встает в цепь противника. Право разбивать цепь переходит ко второй команде.

Игра идет до тех пор, пока в одной из команд не останется только один игрок.

Кошки-мышки

Играющие встают в круг и берутся за руки. Выбирают двух водящих — кошку и мышку. Мышка — в круге, кошка — за кругом. По сигналу начинается игра. Мышка выбегает из круга и вбегает в него; кошка пытается ее поймать.

Игроки, стоящие в кругу, дают возможность мышке пролезть под руками, а кошке мешают это сделать. Расцеплять руки ни в коем случае нельзя! Когда кошка поймает мышку, выбирают новых водящих.

Колечко, колечко, выйди на крылечко

Водящему дают колечко (или просто какую-то мелкую вещь, которую договариваются называть колечком). Остальные встают или садятся в ряд, вытягивают руки вперед и складывают ладони лодочкой.

Водящий зажимает колечко между ладонями, обходит всех играющих, у каждого приоткрывает ладони, накладывая на них свои, и приговаривает: «Я по горенке шел, колечко нашел». Но незаметно для остальных вкладывает колечко в ладони лишь одному. Дойдя до конца ряда и не разжимая своих ладоней, отходит в сторону и кричит: «Колечко, колечко, выйди на крылечко! Кто с крылечка сойдет, тот колечко найдет!».

Тот игрок, в чьих ладонях спрятано колечко, должен выбежать вперед. Остальные же стараются ему помешать. Если игроку с колечком удалось выбежать, он становится водящим. Если нет, водящий остается прежним, игра начинается снова.

Зеркало

Можно играть вдвоем, можно двумя командами. Один игрок показывает разные движения, строит рожицы, а другой должен повторять его движения — но зеркально: если один, скажем, поднимает правую руку, другой должен поднять левую. Тот, кто ошибся, выбывает из игры.

Хромая лиса

Очерчивают круг достаточно больших размеров, в который входят все играющие кроме одного, получающего прозвище хромой лисы. По сигналу играющие начинают бегать по кругу (выходить из него нельзя), а хромая лиса скачет на одной ноге и старается запятнать кого-нибудь из них. Лишь только ей это удается, она присоединяется к бегающим, а роль хромой лисы принимает на себя тот, кого запятнали.

Стрекоза

Играющие садятся на корточки, руки в боки. Перегоняя друг друга, прыжками добираются назначенного места. Кто первый, тот победил. И не спотыкаться! Сразу выбываешь из игры.

Ежедневный развлекательно-познавательный **интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!**

www.solnet.ee Детский портал Солнышко

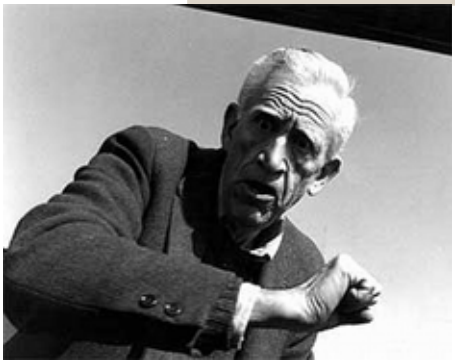
Новое в апреле 2010 года:

— апрельские фотоконкурсы детского обаяния;
— викторина «День здоровья»;
— материалы к выпускным праздникам в детсаду и в школе;
— апрельские развивающие стенгазеты для детей 6–8, –10, 10–12 лет;
— бесплатные консультации детского психолога и логопеда;
— детский ежедневный астрологический прогноз на апрель

и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт *www.solnet.ee*!

На 92-м году жизни в США скончался Джером Дэвид Сэлинджер, последний классик американской литературы. Причисленный к сонму гигантов литературы благодаря, по сути, единственному широко известному сочинению — повести «Над пропастью во ржи», опубликованной в 1951 году, — Сэлинджер существовал в общественном воображении скорее как миф. Он ничего не публиковал, не принимал журналистов. Впрочем, поклонники писателя надеются на то, что теперь его кончина может дать жизнь произведениям, которые, возможно, были скрыты до поры от чужих глаз.



Говорит обозреватель Радио Свобода Борис Парамонов:

— Джером Дэвид Сэлинджер из тех писателей, которые, будучи раз узнанными, никогда уже не забываются и, главное, не теряют читательской любви. Сам Сэлинджер подверг себя максимально рискованному опыту — перестал писать. Он ушел из литературы чуть ли не полвека назад. И вот оказалось, что, столь радикально порвав все общественные и культурные связи, он сохранил и память читателей, и читательскую любовь.

Скоро мы узнаем, продолжал ли писать Сэлинджер или только прекратил издавать новые вещи. Достаточно того, что старые его книги по-прежнему в печати, in print, как говорят в Америке. А если писатель, которого никто не видел и о котором не было слышно уже столько десятилетий, продолжает издаваться и читаться, то это означает только одно: такой писатель — классик, прижизненный классик.

Самое интересное, что эксперимент Сэлинджера можно было предвидеть. Он не раз писал о своем интересе к восточной философии, к дзен-буддизму — который сейчас на Западе весьма моден, но из которого никто не сделал столь радикальных выводов, как Сэлинджер. Условно и достаточно грубо говоря, такая философия требует тотального погружения в себя, ухода от мира. И можно понять, какие особенности даже не творчества, а общего мировидения привели Сэлинджера к такому решению.

Вспомним, о чем писал Сэлинджер, — о подростках, вообще о детях. Непознанность нашего мира, которую уже не ощущают взрослые, зрелые, солидные, занятые делом люди, — не могут вынести дети, слишком еще близкие к тем первоистокам бытия, в которых гармонически сливаются истина, добро и красота.

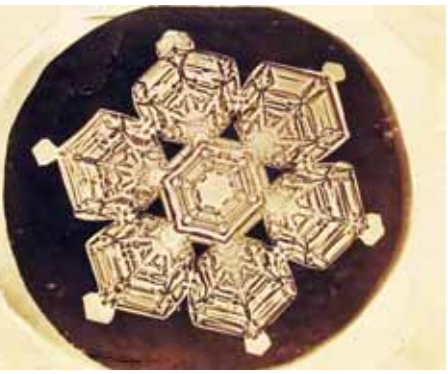
Тема Сэлинджера, если брать ее не в экзотически восточном, а привычном для нас библейском контексте, — тема грехопадения, изгнания из рая и бунт младенцев, не желающих примириться с такой потерей. Дети не отвечают за отцов и матерей, за Адама и Еву; это, если угодно, крестовый поход детей. За что и против чего? Против отчуждающего, лишающего человеческой целостности социально-культурного бытия. Это очень большая, грандиозная мировая тема. И уникальное обаяние Сэлинджера в том, что он взял эту тему в спокойном, тихом регистре, избежав соблазнов громкого бунта.

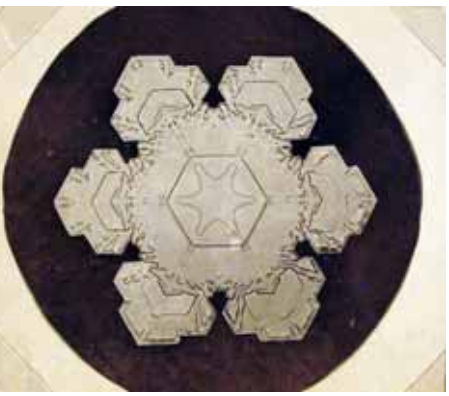
Его уход в анонимную жизнь в глухом углу штата Нью-Гэмпшир был, по существу, того же порядка, что уход Толстого, породивший в свое время мировой шум. Сэлинджер шума не устраивал, разве что вызвал недоумение. Его эстетика и тематика — дети — не требовала фанфар и труб Страшного суда. Но в том предполагаемом мире, где, возможно, встретятся Лев Толстой и Сэлинджер, они друг друга узнают.

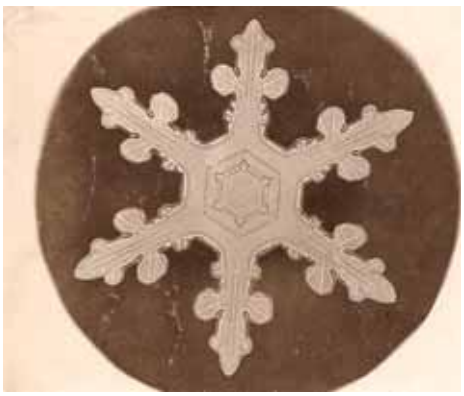
Немецкая рок-группа Scorpions, основанная гитаристом Рудольфом Шенкером в 1961 году, объявила о том, что заканчивает выступления. Правда, музыканты планируют прощальный тур, который продлится несколько лет.

В заявлении, которое «скорпионы» разместили на своем сайте, говорится, что музыканты обсудили ситуацию и пришли к выводу, что

они достигли конца пути: «Мы хотим завершить славную карьеру на высокой ноте». Прощальный тур начинается в марте в Праге и будет продолжаться в течение нескольких лет.







Одновременно поступает в продажу их новый альбом. («один из лучших, когда-либо нами записанных»). Всего Scorpions выпустили более 20 альбомов.

В 1990 году группа прославилась хитом «Ветер перемен», который был посвящен переменам в Центральной и Восточной Европе; некоторое время спустя песня была переведена на русский язык.

Первые в истории фотографии снежинок, сделанные в конце XIX века американцем Уилсоном Бентли, были выставлены на торги на выставке в Нью-Йорке.

10 снимков из числа многих, сделанных Бентли при помощи фотокамеры и микроскопа, продаются по 4800 долларов. На продажу выставили и другие работы Бентли, в частности, зимние пейзажи.

Бентли заинтересовался снежинками в 15 лет (в 1880 году), когда на день рождения ему подарили микроскоп. Завороженный красотой ледяных кристаллов, он пытался их зарисовывать, однако снег слишком быстро таял. Тогда Бентли присоединил к микроскопу фотокамеру.

Первый удачный снимок снежинки был сделан им в возрасте 19 лет; всего Бентли сделал более пяти тысяч фотографий.

Из-за своего увлечения он получил прозвище «Снежинка Бентли». Первый альбом фотографий снежинок вышел в 1931 году, в год смерти фотографа. В музее Бентли в Вермонте хранится около двух тысяч снимков.

Редкий случай безвременного развала лебединой семьи немало озадачил орнитологов, работающих в заповеднике дикой природы в английском графстве Глостершир. Пара лебедей вернулась на зимовку в этот заповедник и, как обычно, обосновалась в водоеме у деревни Слимбридж, но каждый из них привел с собой нового партнера.

В Слимбридже живут четыре тысячи лебединых пар, и за сорок с лишним лет подобный случай орнитологи наблюдали здесь лишь единожды.

Лебеди известны тем, что создают пары на всю жизнь, отмечают специалисты, и хотя бывают случаи, когда одна из птиц заводит новую семью, но обычно это происходит

лишь со смертью первого партнера.

Неладное заподозрили, когда самец по имени Саринди вернулся на зимовку из российской Арктики без подруги Саруни, с которой он создал семью два года назад. С ним прилетела новая невеста. Сотрудники всерьез забеспокоились за судьбу Саруни. Но вскоре появилась и она — в обществе другого приятеля.

Понаблюдав за обеими парами, специалисты пришли к выводу: старые отношения однозначно похоронены; на их месте созданы новые семьи.

Вообще-то лебеди необычайно верны друг другу. Пока оба живы, они пытаются держаться вместе. Если они меняют партнера, то обычно это происходит из-за гибели, а не по собственному выбору.

Однако сейчас бывшие супруги зимуют с новыми избранниками по соседству друг с другом, на одном и том же небольшом озере. При этом Саринди и Саруни не оказывают друг другу никаких сколько-нибудь заметных знаков внимания; такое ощущение, что просто друг друга не узнают.

Возможно, считают эксперты, причина «развода» заключалась в трудностях с воспроизведением потомства: они были вместе пару лет, но у них так никто и не появился на свет.

Дирк Боутс

1420. В городе Харлеме родился Дирк Боутс. Сведений о его родителях, детстве, о самых первых его созданиях не сохранилось. Исследователи предполагают, что в начале творчества Боутс оказался под влиянием искусства братьев Ван Эйков. Любому чуткому мастеру трудно было избежать этого влияния. Работали братья в Брюгге, после смерти старшего брата Ян ван Эйк основал там школу. Братья создали живое искусство, изобрели и усовершенствовали свою технику, стали впервые применять масляные краски, выработали язык северного Возрождения.

Нет свидетельств, что Боутс ездил в Брюгге и работал в мастерской Яна ван Эйка. Может быть, и не было в этом необходимости. Новое искусство распространяется и определяет язык нидерландской живописи. В разных городах работают Боутс, Рогир ван дер Вейден, Мемлинг, Робер Кампен, Ян ван Эйк (территория Нидерландов в XV веке — это современная Бельгия, Голландия, Люксембург и небольшая часть северо-восточной Франции). Все эти художники охвачены жаждой обновления искусства. И как говорит Фромантен в своей книге «Старые мастера», трудно было угадать, если бы не указывали даты и письменные свидетельства, кто из них был учителем и кто учеником, — настолько тождественны их композиции, их метод, их уверенность в работе. А сколько торжества и блеска в их способности передавать возвышенные чувства при помощи самых изысканных средств, оставаясь при этом наивными и несколько архаичными! Они не открыли для себя античность, как итальянские мастера, с опытом же итальянских мастеров знакомились по копиям; только немногие из них побывали в Италии. Нет, не Италия определила взрыв в искусстве Нидерландов. Что же? Выход из Средневековья, освобождение от узости средневековых воззрений, распространение новых представлений — о божественном характере всех явлений и вещей в мире, о равенстве всех созданий перед Богом?..

Около 1445. Боутс создает четыре сцены из жития Богоматери (**репродукция**, оригинал в музее Прадо, Испания). Это одно из ранних и самых значительных произведений художника. Сцены изображают следующие сюжеты: «Благовещение», «Встреча Марии и Елизаветы», «Рождество», «Поклонение волхвов». По всей видимости, это створки алтаря. Возможно, их было больше, но остальные не сохранились. Некоторые исследователи видят в живописи Боутса этого времени влияние Рогира ван дер Вейдена. Но очевидно, что Вейден более изыскан, его живопись всегда празднична. Боутс проще, аскетичнее, однако чувство формы у него тоже необычайно развито, чуткость и тонкость восприятия кажутся природными...

Возможно, к раннему периоду относится «Мадонна, кормящая Младенца» из Лондонской национальной галереи. Взгляд Мадонны устремлен на сына. Из-под спущенного капюшона выбиваются каштановые волосы. Прекрасны руки с тонкими изящными пальцами. За спиной Мадонны окно, виден пейзаж со средневековым замком, окутанным голубым туманом. Ощущение покоя, особой тишины пронизывает картину.

1447. Переезжает в Лувен. Женится на состоятельной горожанке Катарине ван дер Брюгген. Она рожает ему четырех сыновей, из которых Дирк Младший и Альберт становятся художниками.

1448–1457. Боутс снова в Гарлеме. Вероятно, в эти годы написана знаменитая картина «Христос в доме Симона», находящаяся в Берлинской картинной галерее. Она иллюстрирует евангельский сюжет: Мария, взяв фунт нардового чистого мира, помазала ноги Иисуса и отерла своими волосами. Реакция апостолов различна (это видно по их жестам и позам), но все они — и Петр, и молодой Иоанн, и Иуда — не понимают Христа, который разрешает Марии омыть ему ноги; они думают, что драгоценное миро можно было продать и помочь нищим. Только молодой монах, стоя на коленях, смотрит на Христа с благоговением и грустью, прозревая, что Мария своим поступком приготовила Учителя к погребению. Считают, что монах — донатор из Братства, заказавшего картину. Неожиданное решение: взгляд из будущего помогает зрителю осмыслить изображенную сцену; это и взгляд самого художника.

1464. Подписан договор на «Триптих Причастия» для церкви Святого Петра. В алтарной части триптиха — «Тайная вечеря», самая знаменитая ныне работа Боутса. Евангельский рассказ осмыслен как реально происходящая сцена: уже преломил Христос хлеб и подал апостолам, говоря «...сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание». Апостолы застыли, будто окаменели. Только двое из них, сидящих спиною к зрителю, спорят, где кому сидеть. И слышат: «...кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий». При всей архаике композиции — художник использует обратную перспективу, фигуры кажутся удлиненными — сохраняется психологическая точность в малейших деталях и в целом.

1468. Боутс назначается на должность городского художника Лувена.

1468–1470. Пишет «Триптих Страшного Суда».

1472 или 1473. Овдовев, снова женится, и опять на состоятельной бюргерше — Элизабет ван Восхем. Стремление к внешнему благополучию и довольству удивительным образом соединяются в этом художнике с напряженностью религиозного чувства и истинным благочестием.

Не поддается определенной датировке алтарная композиция «Поклонение волхвов», которое называют «Жемчужиной Брабанта». Обращает на себя внимание одна из створок композиции: «Святой Христофор». Святой изображен с Младенцем на плече, он переносит его через реку. По обеим сторонам над рекой нависли скалы, а вдали безбрежная водная гладь, сливающаяся с высоким закатным небом. Это один из самых удивительных пейзажей в мировой живописи. В сущности, это не пейзаж, а выраженное через пейзаж представление о красоте и величии Божьего мира.

1475, 6 мая. Боутс умирает.

Боутс при жизни и сразу после смерти был одним из самых знаменитых художников. Под его портретом помещали латинские стихи: «Родине никогда не удастся воздать хвалой, соразмерной твоей славе, распространившейся до облаков. Сама природа, мать вселенной, страшась, видит себя почти превзойденной благородными образами, созданными тобой». Вскоре его забыли. Вспомнили в эпоху Реформации. Но поскольку Реформация не признавала религиозной живописи, его забыли снова, уже надолго, воскресив только в XIX веке.

Л. Осипова

Ожидание Пасхи
Фото Елены Боковой